

МИХАИЛ ХАНИН

СОКРОВИЩА ГОРЫ МОНАСТЫРЬ

A man with a beard and a blue hooded cloak is the central figure. He holds a wooden staff in his right hand and a glowing golden object in his left. The background is a dark, snowy forest with falling snow. The lighting is dramatic, highlighting the man's face and the golden object.

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Михаил Иванович Ханин
Сокровища горы Монастырь
Серия «Сибирский
приключенческий роман»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57152296

Сокровища горы Монастырь : роман / Михаил Ханин: Вече; Москва;

2019

ISBN 978-5-4484-8315-8

Аннотация

В 1726 году заработал первенец алтайской металлургии – Кольвано-Воскресенский завод Акинфия Демидова. На нем выплавляли черную медь, и не только... Ушлые приказчики наладили на заводе втайне от хозяина выплавку серебра и даже золота. Одну крупную партию левого товара им реализовать не удалось, и она пролежала в горной пещере четверть тысячелетия. Перипетии поиска этой партии самопального серебра и золота в наши дни, кровавые разборки в борьбе за обладание ею и положены в основу романа.

Содержание

Предисловие	5
Глава 1	10
Глава 2	51
Глава 3	63
Глава 4	96
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Михаил Ханин

Сокровища горы

Монастырь

*Все персонажи являются вымышленными,
любое совпадение с реально живущими
или жившими людьми случайно*

Художник Макс Олин

© Ханин М.И., 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2020

Сайт издательства www.veche.ru

Предисловие

Семнадцать лет назад я, тогда еще молодой человек, возвращался в Щebetовское из первого в своей жизни учительского отпуска. В Барнауле я навестил в краевой больнице своего коллегу, Сухарева Вениамина Тихоновича, который опекал меня, начинающего педагога, и который тем летом попал в какую-то передрыгу.

Увидев его, я обмер. Боже, как он переменялся за два месяца, что мы не виделись! Черты иссохшего, пожелтевшего лица заострились, как у покойника, запавшие глубоко глаза стали тусклыми. От него пахло дыханием смерти. Мне почудился даже трупный запах. Преодолев растерянность, я преувеличенно бодро поприветствовал коллегу.

– А, Михаил Иванович! – услышал я его слабый голос. – Очень... Очень приятно... Вы-то мне и нужны...

Он не обратил внимание на фальшь в моем голосе и поведении. Или не счел нужным обращать... Или на краю жизни уже не осталось на это ни сил, ни времени, ни желания.

– У меня для тебя, Михаил Иванович, подарок, что ли... – собравшись с силами, тихо и медленно выговаривая слова, продолжил он. – Дневник... Одного моего знакомого... О событиях этого лета... Отличный материал для романа... Я знаю – вы увлекаетесь... Читал в «Алтае» ваш рассказ... Неплохо... Честное слово... Откройте тумбочку!

Я молча наклонился и извлек из тумбочки две общие в роскошных малиновых обложках и три обыкновенные школьные тетради.

– Вообще-то я выпросил их у Валерия для себя... Надеюсь – выкарабкаюсь... Но теперь ясно – не судьба... Даже и начать не успею, – вздохнув, пожаловался он и прибавил: – А вот у тебя все еще впереди. Дерзай! Впечатляющий, повторю, материал... Будет жаль, если он за невостребованностью угодит в мусорную корзину... Или будет валяться где-нибудь в письменном столе... Ведь это дневник... героя нашего... ельцинского времени...

Последние слова прозвучали очень торжественно. Вообще-то до сей поры я считал самого Вениамина Тихоновича героем нашего времени. Не жалуясь, не ропща на многомесячные задержки заработной платы и ее размер, он «сеял разумное, доброе, вечное». И никогда его личные проблемы и бытовая неустроенность не отражались на детях. Никогда! «Делай что должно, и будь что будет!» – его кредо. Я поспешил высказать свое мнение вслух. Вениамин Тихонович замер. На солнце отразилась душевная боль.

– Ну какой я герой? – после затянувшейся паузы нашел в себе силы усмехнуться он. Говорить ему было тяжело, но я почувствовал, что коллеге вдруг захотелось выговориться.

– Надо мной многие смеются... – продолжил он после очередной тягостной паузы, – считают чудачком и неудачником... И для этого... есть все основания... Вот умру – остав-

лю Сонечку с Гришей и Ванечкой без гроша... А вообще, без крайностей, я – рядовая жертва смутного времени... Переломной эпохи... Если хотите, либерального геноцида... Всего лишь один из того миллиона россиян, что, говорят, ежегодно сводят счеты с жизнью, оставшись за ее бортом...

Это процесс, так сказать, естественный... Точнее, естественный отбор... Строго по Дарвину... Не приспособившиеся к изменившимся условиям особи вымирают... Как динозавры...

Дело поставлено на конвейер. И скоро нас не станет совсем. Ничего тут не попишешь... зверей или птиц каких редких хоть в Красную книгу заносят, оберегать начинают. Заповедники, заказники и тому подобное... А вот мы обречены сейчас на наше время... Хотя мы – хорошие люди. Да что теперь говорить об этом... Нет, речь не обо мне... О Валерии... Он настоящий герой нашего времени...

– А как он выглядит, ваш герой? – спросил я, воспользовавшись возможностью переменить тягостную для него тему.

– Красавчик! Темно-русые волосы, выразительные синие глаза, точеный нос, ямочки на щеках... Улыбнется – как рублем подарит... Высок, строен, силен... Мастер спорта по дзюдо... – слабо улыбнулся Вениамин Тихонович. – Когда он, слегка заспанный, в одних шортах вылез из палатки и подошел к нам познакомиться, мне показалось, что это Аполлон спустился с горы Олимп... Воплощение мощи, муже-

ства, красоты.

Бабник, хохмач... Умен, наблюдателен, несуетлив... Смел, но осмотрителен... Всегда готов прийти на помощь... Обожает малиновый цвет. А впрочем, сами узнаете...

Да... В школьных тетрадях – рассказ Валерия... «Георгий и Анастасия»... И мои фельетоны... «Виват демократия!», «Сирены»... И рассказ... Можете присовокупить, э... к роману... На ваше усмотрение...

Силы как-то резко оставили его, а голова откинулась на подушку. Было ясно, что человек до конца исполнил свой долг. В очередной раз! Сделал, что должно... Всю дорогу разговор с Вениамином Тихоновичем не выходил у меня из головы.

– Ну какой я герой? Вот умру – оставлю Сонечку с Гришей и Ванечкой без гроша... – звучали беспрестанно в ушах и сердце его слова. – Вот умру – оставлю Сонечку с Гришей и Ванечкой без гроша... Вот умру...

И мне стало страшно... за свое собственное будущее. Я вдруг отчетливо осознал, что, связывая свою жизнь со школой, и сам повторяю судьбу бедного Вениамина Тихоновича со всеми вытекающими последствиями... Наступаю на те же самые грабли.

– Хватит игрушек! – твердо сказал я самому себе по приезде в Щebetовское и спрятал тетради в дальний ящик письменного стола. – Забудь и про школу, и про рассказы, и про романы. Это баловство, игрушки. Вениамин Тихонович до-

игрался уже!

Вскоре я оставил школу и занялся торговлей. Жизнь «челнока» тоже не сахар. Хорошо там, где нас нет. Но ни разу за эти годы я не пожалел об уходе из школы. Ни разу! Даже сейчас, когда образование вроде бы стало одним из национальных проектов.

Не так давно я случайно наткнулся на те самые тетради, подаренные мне много лет назад Вениамином Тихоновичем, испытал угрызения совести и решил наконец выполнить его просьбу. Посмертно...

Что у меня, вернее у нас с Валерием, получилось – судить вам. В любом случае я согласен с покойным педагогом – это дневник героя того, ельцинского времени...

И еще! Вениамин Тихонович не настаивал, но, помнится, я почувствовал тогда, что для него важна публикация и рассказа Валерия, и своего собственного, но особенно фельетонов «Виват демократия!», «Сирены» в качестве приложения к роману. Ведь это то немногое, что после него осталось... Да будет так!

Глава 1

Я куплю тебе дом

*Это время гудит
телеграфной струной,
Это
сердце
с правдой вдвоем.
Это было
с бойцами,
или страной,
Или
в сердце
было
в моем.*

В. Маяковский

Раннее утро. Еще толком не рассвело. Холодно. Над горой Монастырь загорается бледно-алая полоска зари. Над рекой и лугом клубится густой туман.

– Я куплю тебе дом / У пруда в Подмосковье, – доносится из тумана чей-то ликующий голос. Певец отчаянно фальшивит. От холода у него зуб на зуб не попадает. Но это несколько не портит его настроения.

– И тебя приведу / В этот сказочный дом, – горланит он. – Заведу голубей / И с тобой, и с любовью / Мы посадим сирень

ПОД ОКНОМ.

Чуть позже в клубах тумана, в траве по грудь, мокрый от росы с ног до головы, появляется и он сам. На берегу реки певец останавливается у огромного черного камня, сбрасывает с плеч тяжелый рюкзак, сдвигает на затылок темно-синюю фетровую шляпу и, самодовольно ухмыляясь, закуривает.

Это высоченный молодой человек, узкий в плечах, болезненно бледный, с сияющими маленькими голубенькими глазками, тонкими синими губами и постоянно трясующимися руками. Выдыхая дым, он отводит руку с папиросой далеко в сторону, на лице его отражается блаженство.

– Я сделал это! Я сделал это! Мужик сказал – мужик сделал! – возбужденно повторяет он в паузах между затяжками. – Я – хозяин своей судьбы, я – кузнец своего счастья. Все страшное позади. Впереди свобода, богатство, Настенька!

Ему нужно перебраться через реку, но страшновато сунуться в студеную воду. Это заставляет его залиться счастливым смехом: такое пережил, а холодной воды боится. Отбросив окурок, юноша достает из кармана плитку горького шоколада, разворачивает обертку, аккуратно отламывает трясущимися тонкими длинными пальцами кусочек и смакует его, прикрыв глазки. Насладившись шоколадом, он прячет оставшуюся часть назад в карман, закуривает вторую папиросу и углубляется в воспоминания, оттягивая форсирова-

ние водной преграды и ликуя от предвкушения грядущего триумфа.

Он влюбчивый человек и начиная с третьего или четвертого класса постоянно в кого-нибудь влюблялся. В школе – исключительно в отличниц. Они представлялись ему не такими, как он сам: необыкновенно умными, необыкновенно нарядными, необыкновенно красивыми. Словом, какими-то неземными существами. Наверное, и в туалет не ходили...

Галя – его первая настоящая взрослая любовь... Живет она недалеко отсюда, в Тихоновке. Все лето прошлого года он изо дня в день носил ей цветы и стихи в магазин, становился на колени, объяснялся в любви, делал предложения. Галя отвергла его. Она много уже лет ждала своего принца на белом коне – какого-то каратиста из Барнаула. Он не в обиде на нее.

А весной появилась Настя. Солнечный лучик. Он ожил, снова влюбился, возможно, влюбился и ожил. Они такие разные. Галя – статная смуглая красавица. Настя – юная хрупкая блондинка с бездонными синими глазами. Галя – некраповская девушка: «Коня на скаку остановит...» Настя – тургеневская. Она такая беззащитная.

И еще Настя – единственный (мама умерла) на земле человек, который любит его, верит в него, и для нее он готов свернуть горы. И свернет! Уже в ближайшем будущем он осыплет ее серебром и золотом. Хорошо бы еще и подкатить к крыльцу любимой на легендарной золотой карете Акин-

фия Демидова, якобы спрятанной где-то в Мурзинской горе. Сколько раз она снилась ему во сне! Увы, такой кареты не существовало.

На заводах Акинфия Никитовича никогда не выплавляли золото. Это неоспоримый факт. И даже если бы промышленник и пожелал оставить после себя клад, то он спрятал бы его не на Алтае, куда ненадолго приезжал один или два раза в жизни, а в Невьянске, где прожил более сорока лет. В подвалах знаменитой наклонной башни, например.

Жаль! Было бы здорово промчаться таким чертом по Щebetовскому на золотой карете. Эта мысль настолько захватила воображение молодого человека, что он тут же закурил третью сигарету и погрузился в сладостные мечты...

Начало сентября, чудный солнечный денек. В зелени деревьев уже проглядываются желтые и оранжевые краски. По главной улице Щebetовского, улице Ленина, гарцует легкой рысцей тройка вороных красавцев-жеребцов, запряженная в золотую карету.

– Динь-динь! – заливаются чудным звоном под дугой золотые и серебряные колокольчики. – Динь-динь!

У школьной ограды важный, с окладистой бородой кучер, одетый в золотистого цвета ливрею, останавливает тройку. Открывается дверца, и он, Евгений Чернов, в строгом черном свадебном костюме с роскошным букетом выпрыгивает из кареты, взбегаёт на крыльцо школы и заходит в ее кабинет. Двадцать пар детских глаз замороженно глядят на него.

Настенька, его Настенька, роняет мелок и оседает на пол. Он успевает подхватить ее и...

Истощный стрекот сорок на той стороне луга возвращает его к действительности. Оглянувшись, молодой человек помертвел от страха. Там, в клубах тумана, ему померещилась неясная человеческая фигура.

Пытаясь подавить панику, ругая себя за неосторожность и медлительность (сначала разорался, идиот, а потом размечтался!), он юркнул за камень и, помедлив, осторожно выглянул из-за него. Нет, не померещилось: мощная атлетическая фигура снова мелькнула в клубах тумана и подалась вперед, припадая на левую ногу.

Сомнения не оставалось – за ним следили. Молодой человек навалился грудью на камень. Сердце стучало так сильно, что стук этот, наверное, слышал следящий за ним монстр.

Он узнал его. Это был Анатолий Георгиевич Храмцов. В прошлом году молодой человек попросил у него помощи. Тот пообещал, но не помог. Хуже – он сдал его бандитам. Да он и сам бандит... Сейчас все борцы, боксеры и качки – бандиты. И вот он снова встал у него на пути.

– Как же так? – бормотал молодой человек, пытаясь прикурить трясущимися руками очередную сигарету. – Ведь я предусмотрел все! Когда мы проезжали Тихоновку, не светило ни одно окно, на улице не было ни одной живой души. Неужели он знал, что я появлюсь именно здесь? Да какая теперь разница?

И что делать? Бежать в Тихоновку? От хромого, хоть он и хромой, и здоровый не убежит. А он семь месяцев провалялся в больнице и едва переставляет ноги. Спасаться на той стороне реки – результат тот же... Как же так?

Его безудержная радость и самоуверенность мгновенно сменились на столь же безудержное отчаяние.

– Это конец! Гриша нашел бы выход, а я не боец. И не хозяин своей судьбы, и не кузнец своего счастья. Я – неудачник! И снова проиграл. От судьбы не уйдешь, – шептал растерянно молодой человек. – Ах, зачем я не попросил помощи у дяди Валеры? Ведь собирался! Он – калач тертый и все бы устроил, как надо. Ах...

Но жалеть о чем бы то ни было было поздно. Осознав это, молодой человек вдруг успокоился. Он, шахматист, не исключал и подобный вариант развития событий и знал, что предпринять. Он не смог победить судьбу, но по крайней мере умрет как боец. Как Митя!

– Сейчас забреду в Зеленую, напротив Зуба Дракона, – решил молодой человек. – И прости, Настенька! Я старался... Не получилось... Не судьба... Из того водоворота и без рюкзака никто не выплывал.

Он всхлипнул, закурил, выбросил пустую пачку. Подумал, снял с запястья компас и отбросил его в сторону.

«Гриша найдет – догадается, что случилось, – подумал он, тоскливо оглядев в клубах тумана гору Монастырь. – Вот и все! Осталась последняя сигарета и последняя песня. Вот и

все...»

Он взвалил рюкзак на плечи и шагнул к реке.

– Мало шансов у нас, / Но старик-барабанщик, / Что метает шары, / Управляя лотом, – пел молодой человек, подвигаясь к воде и рыдая оттого, что у него не осталось ни одного шанса. Что ни любимой, ни дома, ни золота, ни серебра – ничего уже не будет. Ни-че-го! Ему снова припомнились сияющие глаза Настеньки, и он зарыдал еще сильнее, не переставая выдавливать из себя слова песни:

– Мне сказал номера, / Если он не обманщик, / На которые выпадет дом...

Дневник В. Корнева. 1999 г. Возвращение в юность

Давно уже собирался я вырваться на недельку-другую из осточертевшего Барнаула на свою малую родину в Тихоновку, встретиться со своей первой любовью, родственниками, друзьями, сплавиться по реке Зеленой, спуститься в пещеры горы Монастырь, да все как-то не получалось. И только когда первая моя любовь, река Зеленая и гора Монастырь стали мне сниться по ночам, я понял – дальше медлить нельзя.

И сразу же, еще с зимы, стал готовиться к поездке. Помимо подарков всем и вся, резиновой лодки, палатки, спиннинга, блесен, бинокля, карабина я купил и две общие тетради в роскошных малиновых обложках (обожаю малиновый цвет, даже машина у меня малинового цвета). Я вознамерился вести в Тихоновке дневник и запечатлеть на бумаге каждый

миг моего пребывания на малой родине.

Однако в суматохе первых дней времени для дневника как-то не находилось. Но не было бы счастья, да несчастье помогло. Я вдрызг разругался со своим дядькой (подробности потом), демонстративно покинул его дом и вот только что поставил свою палатку на берегу Зеленой. И здесь, в тиши, сразу вспомнил про дневник. Не только из-за ностальгии. Здесь затевается что-то... неоднозначное.

Но обо всем по порядку. Сегодня утром я подвез свою подругу до магазина (она работает продавщицей), поцеловал и отправился искать место посимпатичнее для дальнейшего проживания. В паре километров за Тихоновкой я оставил машину и двинулся дальше пешком.

Светлая радость и умиротворение переполняли меня. Я медленно брел вдоль реки редким сосновым леском, время от времени замирая от восторга перед совершенством и красотой природы. Поначалу мне показалось, что подобной красоты я не видел никогда в жизни. Чуть позже, как-то неожиданно сам собой запустился процесс узнавания.

Впереди, мнилось мне, Тихонов луг. Когда-то, по преданиям – чуть не триста лет назад, там поставил свой дом не то демидовский рудознатец, не то демидовский углежог Тихон. Дом этот простоял на берегу Зеленой почти двести лет, а луг и до сей поры зовется Тихоновым. Позже и образовавшаяся неподалеку деревенька стала называться Тихоновкой. Другое, еще более древнее предание гласило о том, что еще

до появления Тихона в тех местах стояла не то пустынь¹ раскольников, не то скит², и деревенька изначально именовалась не Тихоновкой, а Пустынкой.

И сразу нахлынули воспоминания. Напротив того места, где когда-то стоял дом Тихона, должна быть шивера, брод, перекат, где можно перебраться через реку. Когда-то, отправляясь блудить по пещерам горы Монастырь, мы всегда перебрали через Зеленую именно в этом месте.

О, как я любил покрасоваться перед девчонками своей удалю во время этих походов! Особенно перед Галочкой. Буквально наизнанку выворачивался: и на руках ходил, и на шпагат садился, и сальто, и переворот, и й-а-а – ломал в прыжке ногой сучья. Уже тогда я считал себя продвинутым каратистом и дзюдоистом. Улыбаясь воспоминаниям, я медленно подвигался вперед, действительно вышел к Тихонову лугу и снова замер от умиления и восторга.

«Мало шансов у нас, / Но старик-барабанщик, / Что метает шары, / Управляя лотом», – донесся до меня со стороны реки чей-то тоскливый голос. Полюбовавшись лугом под это заунывное, с нотками истерик пение, я спросил у себя, что, собственно, я ищу. И тут мне почудился совершенно волшебный уголок. Какое-то время я даже не мог понять: наве-

¹ Пустынь – уединенное жилище монаха или раскольничий монастырь.

² Скит – деревня, где имелась часовня, при которой жили один-два старообрядца. Обитатели такого крестьянского поселения соблюдали правила монашеского устава, но жили семьями.

ян ли он мне прочитанными в детстве сказками или действительно существует в реальной жизни.

И вдруг как обожгло – ну конечно же, существует! Как я мог позабыть? Ведь это наша с Галочкой полянка. В дальнем ее конце высится сказочный Терем – причудливое нагромождение одна на другую семи огромных плит. Вроде стопки блинов на тарелке. И каждый блинчик тонн этак на двадцать. Чудо!

Там, возле этого Терема, я в первый раз насмелился поцеловать мою любимую, там мы назначали друг другу свидания. Радуюсь и волнуюсь, я стал вспоминать, где именно следует искать эту полянку. Она где-то рядом. Точно, за этим лугом. Как раз напротив горы Монастырь.

Мои размышления и воспоминания прервал легкий гул приближающейся машины. Еще через несколько мгновений в десяти шагах от меня по краю поляны пронесся, приминая траву, черный БМВ. Судя по всему, кому-то из новых русских пришла в голову идея искупаться или половить рыбку в Зеленой.

Певец умолк. Чуть позже мне вроде почудился сдавленный крик, я прислушался – нет, показалось. И тут иномарка промчалась мимо меня уже в обратном направлении. Я лишь пожал плечами, не зная, что подумать: или она завернула не туда, или «новым русским» не понравилось место для купания.

А еще мне вдруг померещилась в зарослях черемухи на

другой стороне луга неясная, но вроде бы знакомая человеческая фигура. И сразу исчезла. Какое-то время я вглядывался в заросли, пытаюсь разглядеть затаившегося там человека, но так и не разглядел. Он как в воду канул. Это видение серьезно встревожило меня. Сердце сжалось в предчувствии беды.

Усилием воли я все же подавил не вполне понятную панику и отыскал ту заветную полянку. Уютная, благоухающая ароматами и радующая глаз обилием цветов, земляники и сочной травы-муравы лужайка. Она совсем не изменилась со времен моей юности. Я подошел к нашему с Галочкой Терему, погладил теплый, шершавый, поросший зеленоватым лишайником уступ и долго разглядывал его, вспоминая прошлое.

Соглашайся хотя бы на рай в шалаше,
Если терем с дворцом кто-то занял...

Почему-то пришли мне в голову строчки из песни В. Высоцкого. Наверное, потому, что когда-то я отказался от этого самого рая в шалаше...

Потом, улыбаясь и радуясь неизвестно чему, я направился к Зеленой. Чудная-чудная заводь с прозрачной зеленоватой (отсюда и название!) водой. На другой стороне прямо из воды реки громоздились сказочные утесы.

Это и есть знаменитая гора Монастырь. В ней девятна-

дцать пещер, и в одной из них, по преданиям, хранятся несметные сокровища. В детстве мы, мальчишки (и не только мы, и не только мальчишки) облазили их на несколько раз, но сокровищ так и не нашли... Правда, предания рассказывали про двадцать две пещеры...

За горой Монастырь одна горная гряда сменяла другую. На переднем плане зеленые, а дальше голубые с белками ледников. Я снова замер, наслаждаясь этой красотой. В душе воцарились покой и умиротворение.

– Всю жизнь ищи – лучше места не найдешь, – решил я. Определившись по жизни, я возвратился к своей машине, перегнал ее на нашу полянку и занялся установкой палатки и обустройством лагеря. И вот, управившись с делами, наевшись земляники и накупавшись всласть, я уселся за дневник.

Взаперти

Молодой человек, всхлипывая и поскуливая, лежал в каком-то сарае на соломе рядом с коровьими лепешками. Захватившие его мерзавцы пообещали серьезно заняться им после возвращения из «Эльдорадо», посоветовали хорошенько подумать, несильно попинали «на посошок» и захлопнули дверь.

Он, услышав гул отъезжающих машин, не вскочил с пола и не стал метаться, как зверь в клетке, пытаясь вырваться на свободу. Он осознавал, что захватившие его бандиты не дураки, и если заперли его в сарае – значит, не сомневались

в его надежности.

Он верил им и не предпринимал ничего для своего спасения. Бесполезно. Он не Джеймс Бонд, не боец, он снова проиграл. Поэтому молодой человек остался лежать на соломе, снова и снова прокручивая в голове подробности своего пленения и презирал себя за медлительность и трусость, за то, что не решился, не заставил себя броситься в пучину вокруг Зуба Дракона...

Слабак! Слова о том, что он больше никому не позволит издеваться над собой – пустой звук. Он не Митя. Он струсил и предпочел ад смерти. Он хотел жить, несмотря ни на что. Очень! Что в этом плохого?

И еще в его душе теплилась надежда на чудо. Чудо звали Гришей.

Дневник В. Корнева 1999 г. В «Эльдорадо»

И все же затаившаяся в зарослях черемухи человеческая фигура не выходила у меня из головы.

– Померещилось или не померещилось? – гадал я. – Он или не он?

Но гадал не особенно долго. Я – человек действия. Не до такой степени, как мой дядька Егор, который всякий раз начинает что-либо делать раньше, чем успевает сообразить, что именно делать, как и зачем. Но и изводить себя бесплодными сомнениями не в моем характере. На это большая мастерица уже моя тетка. Она семь раз отмерит, а потом еще и

резать не станет – передумает.

Сейчас же мне было самое время подумать об обеде. Ведь поругавшись вчера с этим самым дядькой, я остался без наваристого теткиного борща, котлет и компота. На ум сразу пришло кафе в «Эльдорадо» – турбазе, расположенной километрах в двенадцати от Тихоновки. Я еще не успел наведаться туда, и вот представился случай.

По дороге я заскочил в магазин к Галочке. Моя первая любовь заслуживает того, чтобы я уделил ей несколько строчек в своем дневнике. Это невысокого росточка крепенькая такая красавица с матовым цветом кожи, черными жгучими глазищами и черными же как смоль волосами, изящным носиком, пышными соблазнительными формами тела, взрывным, но быстро отходчивым характером.

Она мило беседовала с вальяжно расположившимся на прилавке ладным крепким мужиком в голубой рубашке с коротким рукавом и ухарски сдвинутой на самый затылок милицейской фуражке. Это был местный участковый Вадим Половников. Я был наслышан о нем как о неисправимом бабнике и гуляке, исповедующем по жизни принцип: «Нет неприступных женщин, есть плохо уговаривающие их мужчины». Судя по кличке Кобель, он лично уговаривал их хорошо.

Участковый посмотрел на меня оловянными глазами, ухмыльнулся, легко спрыгнул на пол, крепко пожал мою руку и, обернувшись к моей (или своей?) подружке, промурлы-

кал: «Если, Галюнь, этот агент 007 заглянет к тебе по старой привычке – свистни! Ну, всем пока. Дела!»

Он вышел. Галочка вспыхнула, воинственно уперла руки в бока и посмотрела на меня с вызовом. Она догадывалась, что мне известно о ее романах, в том числе и о романе с участковым, ожидала упреков и приготовилась к жесткому отпору. Но я не собирался вмешиваться в ее личную жизнь. Упаси Бог! В своей бы разобраться. Я просто предложил ей отобедать со мной в «Эльдорадо».

Она снова замерла, потом снова покраснела и попросила каким-то осипшим голосом завезти домой – переодеться. Вышла не сразу. Я усмехнулся, посмотрев на часы, – в ее обеденный перерыв мы точно не уложимся.

Зато когда моя первая любовь шагнула на крыльцо, я просто обалдел. Передо мной стояла настоящая топ-модель. От нее веяло настоящими французскими духами. А макияж, а маникюр, а прическа, а платье, а туфельки? Все – супер! Она снова покраснела, но тут же, присев в реверансе, горделиво, с вызовом посмотрела на меня. Я изобразил восхищение (практически искреннее), поцеловал даме ручку, открыл дверцу и усадил ее на сиденье.

И все же мне стало не по себе. Через неделю-две я возвращусь в Барнаул, а она, как тогда, десять лет назад, снова останется одна. О, как я был тогда влюблен в нее! Воистину, был «готов целовать песок, по которому ты ходила». Но уже тогда я мечтал покорить весь мир и не собирался ограничи-

ваться покорением одной сельской красотки. Я уехал тогда в Барнаул и надолго позабыл дорогу в Тихоновку.

Моя любимая тогда назло мне выскочила замуж за какого-то десантника. Брак оказался неудачным. Ее избранник в худших традициях русской деревни быстро спился, тратил все свое время и силы на поиски водки, самогона да пьяные разборки. Промучившись с ним шесть лет, Галочка подала на развод. С тех пор она жила одна, перебиваясь время от времени краткосрочными романами с женатыми, в основном, мужиками. С тем же участковым, например...

И вот история повторяется. Как все нескладно! Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, я, изобразив легкую форму ревности, поинтересовался причиной визита в магазин участкового.

– Он по делу! – пояснила Галочка, лукаво посмотрев на меня. – Ищет одного чудика, сбежавшего из больницы, – Женьку Чернова! Спрашивал, не заглядывал ли он ко мне в магазин купить чего-нибудь.

– И что? – улыбнулся я, поддерживая беседу. – Не заглядывал? Чудик этот? Чисто случайно! Купить чего-нибудь.

– Нет! – выдохнула она. – Но его... ищут...

Она хотела заинтриговать меня, и я не стал разочаровывать ее.

– Кто же? – преувеличенно заинтересованно спросил я.

– Один даже очень еще ничего себе мужчина. Худошавый такой. Аккуратная бородка, усы. Сам в камуфляже, панаме

защитного цвета, солнцезащитные очки, на правой руке нет двух пальцев – мизинца и безымянного, – охотно поделилась со мной наблюдениями подружка своим с легкой хрипотой голоском. – Сказал, что сам он предприниматель из райцентра, что сюда приехал за медом.

Попутно вот заскочил в магазин узнать про соседа, Евгения Чернова. На днях, пояснил, Евгений исчез, сбежал из больницы. Мать с ума сходит от переживаний, наказала расспросить про него в Тихоновке – вдруг он здесь. Ну как мать не уважить? Святое дело! Вроде бы куда с добром мужчина, душа нараспашку, улыбчивый, обаятельный... но чую – тот еще гусь!

– Почему вроде бы? Почему гусь?

– Потому что! Маскарад не люблю! – азартно отозвалась Галочка. – И еще борода у него темнее волос на висках. Не его она – приклеенная! К бабке не ходи!

Приехал на «Волге». Тоже подозрительно. Мало того что черная, так еще и стекла затемненные. Как у бандитов!

– Ну ты, подруга, даешь! – восхитился я.

– Даю, даю! – со смешком прикололась Галочка. – Но не берет никто... Модничают, сволочи! Но это я так, размечталась... о своем, о девичьем.

Теперь о втором... Высоченный и здоровенный такой хромой Карабас-Барабас.

Она чуточку подумала и описала в красках Карабаса-Барабаса:

– Тяжелый, властный взгляд пронзительных черных глаз из-под дурацкой бейсболки, большой рот с толстой нижней губой, крепкий, выдающийся вперед подбородок.

Я внутренне напрягся. Значит, Анатолий не померещился мне несколько часов назад. Он точно здесь. Карабас – Анатолий, по словам подружки, начал вешать ей лапшу на уши об исчезнувшем племяннике и о том, как он весь испереживался.

Сейчас Галочка шутила, что переживать монстру было нечем – нет и не может быть у него такого органа. Тогда же она испытывала лишь безотчетный ужас. А девица она не робкого десятка. Но все обошлось. Дальше я слушал ее щебет с легкой хрипотцой уже вполуха, переваривая полученную информацию и следя за дорогой.

– А мне, Валер, этот Женька в прошлом году... – хотела (решилась) сообщить мне подружка что-то важное снова осипшим голосом уже на подъезде к «Эльдорадо» и вдруг осеклась: – Смотри!

Впереди, у ограды, прижавшись к ней спиной, какой-то парень отбивался от четверых рослых мужиков.

– Это Забалдуй с дружками... шпана местная... Вот сволочи! – ахнула Галочка, вцепившись мне в руку. – Не связывайся! Им человека зарезать... Я сама!

– Не буду! – притормозив, согласился я, мягко, но решительно освобождая руку. После этого я посигналил и крикнул негромко в окно: «Матэ! Брейк! Этого не трогайте! Он

со мной!»

Хулиганы неприязненно посмотрели на меня, но ослушаться не посмели. Они уже были наслышаны обо мне от моих двоюродных братьев и дядьки. Один из них, длинный белесый парень с серьгой в ухе, даже кивнул мне, другой сплюнул и зашвырнул в кусты обломок трубы, третий сразу шмыгнул в побитый желтый москвичок. А вот Забалдуй отступать не собирался.

– А ты сам с кем? – ощерившись желтыми зубами и нервно поигрывая ножом, поинтересовался он. Тупая забубенная физиономия, весь в наколках, вихлястый, как на шарнирах. Он изо всех сил косил под вора в законе.

– Рехнулся, Забалдуй! – нервно шепнул, скорее крикнул ему длинный малый с серьгой в ухе, тот, что кивнул мне. – Это же Мачо!

Забалдуй отпихнул его и, вихляясь и кося под невменяемого, двинулся на меня.

– Мачо ху...чо! – цедил он. – У меня на зоне такие... Й-а-х!

Я так и не узнал, что делали у него на зоне такие, как я. Не договорив, Забалдуй нанес резкий удар снизу. Я аккуратно (небрежность в таких делах непозволительна и один раз вышла мне боком – дыркой в боку) блокировал его, затем еще семь или восемь не менее хитрых, с точки зрения Забалдуя, ударов. На его лице отразилась растерянность.

После этого я так же аккуратно выбил у бывшего зэка нож

и поработал первым номером сам, нанося достаточно жесткие удары руками и ногами в разные части головы и туловища, хм, соперника. Ни на один из них Забалдуй так и не сумел среагировать: ни поставить блок, ни уклониться, ни отшагнуть назад. Лицо его превратилось в кровавую кашу, он поплыл.

Наконец (хорошего помаленьку) я, работая на публику, нанес ногой сокрушительный удар в голову. Забалдуй взмыл в воздух, рухнув на траву, уже не подавал никаких признаков жизни.

– Минута на эвакуацию! – тихо, одними губами проговорил я, посмотрев на часы. – Время пошло!

Они услышали: на автостоянке воцарилась мертвая тишина. Хулиганы, подобострастно извиняясь, запихали бесчувственного Забалдуя в «москвич» и попрятались в нем сами. Машина резко развернулась, едва не зацепив одну из двух стоящих на площадке иномарок, и тут же скрылась за деревьями.

Я подмигнул Галочке, та в ответ погрозила мне прелестным пальчиком. После этого мы переключили свое внимание на все еще стоящего у ограды юношу. Вид у него был плачевный: синяки, ссадины, рассеченная, сильно припухшая нижняя губа, изодранная в клочья футболка, глубокие царапины на плече, руке и бедре.

Я достал из аптечки йод, вату, бинты, и мы занялись его ранами. Гриша, так звали юношу, стойчески морщился и

не без юмора описывал подробности наезда. Оказалось, что Забалдую и его дружкам приглянулись его часы. Отдавать их Забалдую по-хорошему юноша категорически отказался. Чего это ради? Он раздает милостыню исключительно по воскресеньям. Да и самому Грише часы тоже нравились. Очень! Да и не его они – папины!

«С характером парнишка, – подумал я. – Мог бы разговаривать с хулиганами в чужой деревне как-нибудь поддипломатичнее. А если бы я не поспел?»

Юноша вытянул руку и похвалился: «Электронно-механические, кварцевые, с позолотой! Папу за хорошую работу наградили. Вот выпросил поносить. Как в чужой деревне без часов?»

– Базаров нет! – согласился я.

– В самом деле – как? – почему-то насмешливо поинтересовалась Галочка, и Гриша слегка покраснел. Был он хорош собою, высок, спортивен.

– Рискну предположить, что занимаешься борьбой, – заметил я, осмотрев его фигуру.

– Да, самбо, – со скромной гордостью подтвердил он. – Кандидат в мастера спорта. А вы?

– А я так – любитель, – еще скромнее отозвался я. – Дашь потом автограф?

– Обязательно! – с самым серьезным видом пообещал юноша, и я не понял, кто над кем пошутил. Закончив санобработку и перевязку, я огляделся. У дверей кафе изнывали

от жары несколько человек.

– Закрыто, что ли? – поинтересовался я у Гриши.

– Да нет! – улыбнулся тот, немного гордясь своей осведомленностью. – Просто сейчас кафе оккупировала бригада рэкетиров... Из Барнаула! Банкет у них. Победу какую-то обмывают.

Я уже слышал от дядьки и от друзей, что в Тихоновке этим летом ошивались барнаульские рэкетеры. Бандюки вроде бы выколачивали в райцентре из кого-то чей-то долг, шерстили коммерсантов на рынке, а здесь отдыхали от трудов несправедливых. А может, и праведных. Теперь не разберешь и не отличишь уже добро от зла, а белое от черного...

Я их еще не видел. Представился прекрасный случай познакомиться и поставить кое-кого на место. Я усмехнулся про себя: «На сегодня достаточно. Хорошего помаленьку. Успею! А сейчас я не за этим приехал».

А следом мне пришла в голову мысль, что Анатолий, раз он все-таки здесь, вполне мог обосноваться именно в этом заведении. В Тихоновке его точно не было. Такое шило ни в одном мешке не утаишь. А вдруг здесь? Да и о подозрительном предпринимателе не худо навести справки.

Оставив Галочку с Гришей у машины, я направился к мужику, выкашивающему на дальнем конце турбазы траву мотоблоком. Через несколько минут я узнал, что Анатолий действительно поселился здесь, что он целыми днями пропадает где-то, сюда приезжает лишь переночевать, и то не всегда.

Меня снова охватила необъяснимая тревога...

О подозрительном предпринимателе мужчина ничего не слышал. Но кто-то из его знакомых видел в лесу черную «Волгу» с тонированными стеклами. Пытаясь унять недобрые предчувствия, я поболтал с мужиком уже о рыбалке, охоте и возвратился назад.

Заляпанный йодом и лейкопластырем, с бинтом на правой руке, Гриша стоял у ворот и неприметно охорашивался, глядя куда-то за мою спину. Меня он не заметил. Рваная футболка и шорты были заменены на элегантную кремовую рубашку с коротким рукавом и светлые брюки. На запястье сияли позолотой знаменитые электронно-механические часы.

– Хорош! – шепнул я Галочке, любуясь юношей и стараясь не выказать тревоги.

– Ей-богу, с ним не все в порядке! – также шепотом поделилась со мной своими наблюдениями Галочка. – Острит, хохмит, хохочет, а, чувствую, на душе кошки скребут...

Я пожал плечами – ничего странного я в поведении Гриши не заметил.

– А кто не любил – тот меня не поймет! – с вызовом и не без легкой горечи пропела приятным хрипловатым голоском моя подружка. Ей всегда казалось, что я люблю ее не так сильно, как она меня.

«При чем тут любовь?» – подумал я, но спорить не стал. Бесплезно! В таких делах она никогда не ошибалась. И точно, она и на этот раз оказалась права. Все прояснилось минут

через семь-восемь. По крайней мере, для меня.

Крутые, оторвавшись по полной программе и натешив самолюбие, с гоготом, матом и песнями повалили из кафе. Это были самодовольные, уже слегка заплывшие жирком, но все еще сохраняющие спортивные фигуры представительные, бритые наголо мужики. Они уже не заморачивались с прикидом: футболки, шорты, шлепки. Статус избранных подчеркивали лишь массивные золотые цепи на шеях да кобуры под мышками.

Их главаря, в прошлом неплохого боксера по кличке Мясник (Мясников Сергей), я немного знал. Он тоже узнал меня и милостиво кивнул, проходя мимо. Смутно знакомым показался мне и сопровождающий его «шифоньер», но где я встречал его, я так и не вспомнил.

Именно в этот момент Галочка толкнула меня локотком в бок и показала глазами на Гришу. Я повернул голову и по его побелевшему, разом осунувшемуся лицу понял, что случилось нечто непоправимое. И не сразу даже сообразил, что именно. А вот Галочка и здесь оказалась на высоте. Она кивнула головой в сторону кафе. По дорожке, заметно отстав от остальной группы, следовала парочка.

«Влюбленные часов не наблюдают», – мелькнуло у меня в голове. Кавалер – невысокий, но крепкий парень с короткой, бобриком стрижкой, голубыми глазами и рядом золотых зубов в улыбчивом рту. Бежевые стильные брюки, рубашка в тон брюкам и роскошные подтяжки делали его неотрази-

МЫМ.

Она – эталон женской красоты: точеная фигурка, черные выразительные глаза, прямой изящный носик, пухленькие губки. На ее фоне слегка (чуть-чуть!) поблекла даже моя подруга. Ее шейка сразу стала казаться коротковатой, а талия полной.

Кавалер то и дело склонялся к ушку своей дамы, что-то шептал ей, поблескивая золотыми зубами, а она мило краснела и закрывала его рот миниатюрной ладошкой. Тем временем влюбленные достигли ограды. Девушка, увидев Гришу, застыла на месте, затем что-то шепнула своему парню. Тот хмыкнул и перевел взгляд на молодого человека с перебинтованной рукой.

Гриша, молодец, взял себя в руки и, честное слово, был хорош в этот миг. Этаким бледненький израненный герой, воплощение красоты, благородства и мужества. В глазах красотки промелькнуло не то сострадание, не то восхищение.

Гриша не выказал ни малейших признаков нервозности, не говоря про ревность или подавленность. Наоборот, он принялся непринужденно пикироваться с девушкой и даже слегка озадачил ее этим. Парень с золотыми зубами терпеливо и снисходительно слушал их приколы.

Наконец Гриша, приняв самую неотразимую позу, выразительно посмотрел на часы (так вот для чего он выпросил их у отца и стоял из-за них насмерть в стычке с местными придурками!) и дал понять девице, что аудиенция окончена,

что у него нет времени на пустые разговоры, невпроворот важных дел, не говоря уже о том, что он умирает с голода. Он небрежно помахал красотке рукой и что-то пошутил насчет медового месяца.

После этого, вроде бы сразу позабыв про нее, он повернулся ко мне с видом крайней заинтересованности и спросил о чем-то совершенно заумном. Я с моим высшим образованием, красным дипломом и магистратурой так и не понял – о чем? Тем не менее я охотно подыграл ему, ответив еще более заковыристой фразой, краем уха наблюдая, как несколько шокированная подобным пренебрежением красотка со своим кавалером направились к машине.

– Путь свободен! Вперед к еде! – демонстративно весело объявил юноша. – Любовь приходит и уходит, а кушать хочется всегда!

Мы понимали, что говорит он это не нам, а усаживающейся в иномарку девушке. Покачав головой, Галочка направилась к заведению. Мы с Гришей двинулись за ней. Юноша еще держался и пытался острить. Но при этом он напоминал продырявленный шар, из которого стремительно выходит воздух. Было ясно, что надолго его не хватит.

И действительно, к первому он не прикоснулся, вяло поковырял вилкой котлету и выпил стакан компота. После этого окончателью скис, делано беспечно помахал нам рукой и направился к выходу. М-да... Хотя любовь приходит и уходит, кушать хочется не всегда.

Новые обстоятельства

Нам тоже некогда было расслаживаться, и через полчаса мы последовали к машине. Гриша сидел на пеньке возле своего велосипеда и, казалось, был в не себе.

– Э, самбист, так не пойдет! – нарочито грубовато сказал я, взъерошив рукой его волосы. – Раскисать нельзя. Все проходит. И любовь тоже. Как ты сам не так давно нам доказывал. Куда путь держим?

– В Тихоновку, – вяло ответил Гриша.

– Тогда нам по пути, – усмехнулся я. – Не возражаешь прокатиться с нами?

Гриша не возражал. Я прикрепил его велосипед к багажнику своей «восьмерки», и мы отправились назад. Я молчал, положившись на Галочку. Та деликатно пыталась растормошить юношу, и это ей удалось.

Грише и самому захотелось выговориться, спустить пар и все такое. Помолчав, он сообщил нам, что с Надей, той девушкой, которую вел под руку парень с золотыми зубами, он познакомился полгода назад на смотре художественной самодеятельности.

Она спела какую-то популярную песенку, и все дружно аплодировали ей. Особенно Гриша. Потом они вроде бы случайно столкнулись в фойе Дома культуры, познакомились, поболтали немножко и прошли в зал. Она сидела у него на коленях. В зале не было свободных мест. Да так им было и

приятнее.

Это обстоятельство сильно не понравилось его матери. Сам Гриша объяснял тогда ее неудовольствие крайней отсталостью. Что взять с человека, который сам влюблялся при царе Горохе – при Леониде Брежневе.

– Неужели она была права? – грустно спросил юноша. Мы лишь пожалы плечами.

Потом они созванивались, переписывались. Она приезжала в райцентр на олимпиаду по английскому языку, он навещал ее во время весенних каникул. Незадолго до отъезда Гриша заподозрил что-то неладное: девушка постоянно отсутствовала, а когда она все-таки брала трубку, то голос ее звучал как-то сухо и напряженно.

Позже, в письме, Надя заверила его в вечной любви и объясняла телефонный официоз постоянным присутствием поблизости то мамы, то бабушки, то брата. Не разговоришься, не изолишь душу. Он и поверил тогда. Развесил уши, раскатал губенки. Семьдесят вот километров отмахал на велосипеде. Летел с горы на гору как на крыльях, мечтал преподнести сюрприз.

– И надо же, как удачно получилось! – нашел в себе сил пошутить юноша. Мы с Галочкой переглянулись. По затаенной тоске в ее глазах я понял, что она много бы отдала, если бы я любил ее так же сильно... Мне стало немного не по себе. Возле ее магазина толпилось несколько человек.

– Всегда так! – пожаловалась почему-то Грише моя по-

дружка. – День отстоишь – никто не заглянет. Стоит отлучиться на пять минут – сразу вся деревня сбежится!

– Ну, на пять минут здесь не тянет, – хмыкнул я, тоже избегая ее взгляда. Она сухо кивнула и вышла из машины. В нарядах, с несбывшимися мечтами, обиженная и разочарованная до слез. У меня даже сердце кольнуло от жалости. На мгновение я снова почувствовал себя виноватым, но усилим воли переключился на другую тему.

– Тебе куда? – спросил я Гришу. Тот пожал плечами. Это означало, что идти ему здесь уже не к кому. Оставлять его одного в таком состоянии, да еще в такие времена в чужой деревне мне показалось неправильным.

– Может, тебя домой отвезти? – поинтересовался я. – Говори, не стесняйся! Мне и самому позарез надо в райцентр.

– Спасибо вам, дядя Валера. Не переживайте за меня. Я справлюсь! – тихо, но твердо ответил юноша. – И сюда я приехал совсем не из-за Нади. – Здесь он густо покраснел и счел необходимым поправиться: – Ну, не только из-за Нади. У меня здесь важное дело. Я ищу друга – он исчез!

Я напрягся. Сразу припомнился разговор Галочки с участковым, который искал агента 007, Евгения Чернова. А еще его искал какой-то предприниматель на черной «Волге», якобы сосед. И Анатолий, якобы дядя.

– Тогда поедем со мной! – решил я. – Переночуешь у меня в палатке, а там видно будет. Утро вечера мудренее!

Он грустно и благодарно посмотрел на меня, и я пла-

но тронулся с места. Отчасти – чтобы как-то растормошить Гришу, еще больше – чтобы удовлетворить свое любопытство, я стал расспрашивать его о друге и об обстоятельствах его исчезновения.

Друга звали Евгением Черновым. Все сходилось – Галочка тоже назвала именно эту фамилию. Чернов лежал в больнице и вдруг... исчез. О том, как это случилось, Гриша и сам почти ничего не знал. Поскольку за последние две недели ни разу не удосужился навестить его.

– Огород, поливка, прополка, колорадские жуки, – оправдывался он. – А тут еще родители ремонт затеяли.

Но я-то знал, что главной причиной подобной черствости была Надя. Остальной мир перестал для него существовать. Ему было известно лишь то, что друг его Женя сбежал из больницы ночью. И почему-то не через дверь, а через окно. И вдобавок через окно не его собственной палаты, расположенной на первом этаже, а из чужой, со второго этажа, связав несколько простыней. Какое-то совершенно непонятное нагромождение несуразностей.

Главный же, по мнению Гриши, прикол заключался в том, что ни малейшей необходимости в подобном экстриме не было. В принципе, его приятель мог не бежать из больницы тайком, темной ночью, через окно, а спокойно уйти. Днем! Через входную дверь, как и все нормальные люди. Никто особо не держал. Они с отцом не раз и не два забирали его к себе по выходным. И ничего – никто не запрещал.

Подобный финт Гриша объяснил лишь тяжелой психической болезнью своего друга. Кажется, мания преследования или еще что-то в этом роде. Гриша, по известной причине, в это дело особо не вникал.

Здесь наш разговор прервался – я вырулил на поляну и не без умысла притормозил возле нашего с Галочкой Терема. Мой замысел оправдался. Это восьмое чудо света произвело на юношу сильное впечатление, и на какое-то время он забыл про свое горе. Он медленно обошел Терем и произнес несколько раз восхищенно: «Круто! Класс! Круто!» После этого мы последовали к моей палатке и продолжили разговор уже возле нее.

Направление поиска определила фраза, произнесенная Женей во сне. Он часто разговаривал во сне, иногда даже вскакивал при этом с постели. Вот и в последний раз ночуя у них в гостях (Гриша еще не успел заснуть), Чернов рывком вскочил с постели и внятно проговорил: «В Тихоновку, быстрее в Тихоновку! Золотая карета ждет меня!» И так и не проснувшись, полез прятаться за диван.

«Это ты не друга спасти сюда рвался, – мелькнуло у меня в голове. – К подружке летел. Фраза товарища во сне – лишь предлог. Назови он тогда любую другую деревню – еще неизвестно, сдвинулся бы ты тогда с места или нет».

Я невольно ухмыльнулся от такого предположения.

– Ты чего, дядь Валер? – насторожился Гриша.

– Это я о своем, о девичьем – снова ухмыльнулся я,

взъерошив его волосы. – А у тебя, спасатель, есть фото приятеля?

– Конечно, есть! – с достоинством, даже обидевшись (но очень уж вяло), ответил Гриша и извлек из нагрудного кармана цветную фотографию. На ней был запечатлен сам Гриша в компании молодого человека неадекватной внешности.

Высоченный, на голову выше своего приятеля, но узкий в плечах и болезненно бледный. Маленькие голубенькие глазки, тонкие губы искривлены в самодовольно-глуповатой улыбке. Темно-синяя фетровая шляпа сдвинута на затылок, в картинно отведенной в сторону руке – папироска. Что-то шевельнулось в моей душе при виде этой фотографии... Но что?

– Я хотел ее продавщице в магазине показать, – не без гордости за свою предусмотрительность сообщил юноша. – Вдруг Женя заходил купить чего-нибудь.

– Кто ж мешал? – хмыкнул я, пытаюсь что-то вспомнить. – Она тебе перевязку делала. Да и из «Эльдорадо» вместе ехали. С продавщицей-то! Ладно, не бери в голову – шучу! Устраивайся тут, пока я эту самую продавщицу навещу. Если что – продукты в этом рюкзаке. Обязательно подкрепись. А завтра займемся твоим другом.

Юноша в ответ лишь грустно улыбнулся. Эту улыбку я истолковал приблизительно так: «Вот если бы с любимой и любовью все было в порядке, то я бы горы свернул. А сейчас, когда жизнь практически кончена, какое все это имеет зна-

чение?» Подобный настрой не понравился мне.

– Друзей бросать в беде нельзя! – строго сказал я. – Сам погибай, а товарища выручай!

– Я понимаю! – виновато, но как-то уж очень безвольно отозвался Гриша. Покачав головой, я направился было к машине, но сразу остановился.

– Да, Гриш, у твоего приятеля дядя есть? – обернувшись, поинтересовался я. – Здоровенный такой, хромой на левую ногу, в шрамах. Дядя Толя из Барнаула!

– Не знаю... Вряд ли... – подумав, отозвался Гриша. – Я бы знал. А что?

– Я так и думал! – заявил я, оставив вопрос без ответа, и продолжил допрос: – А знакомый предприниматель у него имеется? Живет по соседству, разъезжает на черной «Волге».

– По соседству с нами живет дядя Валера Зуев. Но у него вишневая «девятка», – вдруг улыбнувшись, сообщил юноша. – Они завтра с папой сюда на ней приедут. А что?

– Я так и думал! – повторил я, снова оставив его вопрос без ответа, и направился к машине.

Темная история

Однажды Николай I беседовал с наместником на Кавказе. В конце беседы он из вежливости поинтересовался здоровьем супруги наместника. Тот пожаловался на ее расстроенные нервы.

– Нервы? – переспросил Николай и прибавил: – У императрицы тоже были нервы. Но я сказал, чтобы никаких нервов не было, и их не стало.

В отношениях с Галочкой я придерживаюсь аналогичной линии. Она дорога мне, но... я все еще надеюсь покорить мир или хотя бы выбиться из нищеты. Поэтому в обозримом будущем женитьба и всякие там семейные радости не входят пока в мои планы. И я не хочу, чтобы моя подружка обольщалась на этот счет, лелеяла в душе какие-то иллюзии и загружала меня своими неосуществимыми мечтами.

И она не загружала меня. Вот и на этот раз к моему приезду она справилась с собой и смотрела на меня заплаканными глазами даже чуть заискивающе. Мне снова стало жаль ее. Но я и на этот раз не поддался своим чувствам и сразу протянул ей фото, взятое у Гриши. Галочка наигранно бодрым голосом подтвердила, что именно этим длиннющим парнем интересовались и участковый, и предприниматель на черной «Волге», и хромой Карабас-Барабас на синей «Ниве».

– Это Женька Чернов! В прошлом году он... семь раз сватался ко мне, – выпалила она и прибавила тоскливо: – А я, дура, отказалась... Из-за тебя.

– Намек понял! – сделав умное лицо, отрапортовал я и пообещал: – Я тоже когда-нибудь пришло к тебе сватов. Ты – лучшая!

После этого я чмокнул подружку в губки и помчался в Щebetовское – попала шлея под хвост. Этот ее кавалер

серьезно заинтересовал меня. Во-первых, я хотел вспомнить, где видел его. Во-вторых, я хотел понять, чем вызван нескрываемый и, боюсь, нездоровый интерес к его персоне. Участковый не в счет, у него работа такая – разыскивать пропавших граждан. Гриша тем более не в счет. Он ищет друга.

А вот «сосед» и «дядя»... После разговора с Гришей стало ясно, что они лишь самозванцы на эти роли. Да и до разговора я не питал особых иллюзий на их счет.

Появление Анатолия в этих местах серьезно встревожило меня. Никогда не думал, что он может объявиться здесь. И уже никогда не поверю, что он появился здесь случайно, без дальнего прицела. В отличие от меня в его жизни не происходит ничего случайного...

Если здесь что-то случится (а я не сомневаюсь, что что-то случится), то я подумаю на Храмцова. О-очень неоднозначная личность. В прошлом именитый спортсмен, толковый инженер, с началом реформ и закрытием завода какое-то время перебивался случайными заработками, потом пристроился тренером в спортивную школу, позже связался с бандитами.

Обыкновенная история. Я не берусь осуждать его. Каждый выживает, как может. Сейчас, говорят, не время бояться испачкать белые перчатки. Время делать деньги, наживать первоначальный капитал. Любой ценой! Даже если Жванецкий учит нас изо дня в день: «Не важно, как человек приобрел иномарку, важно, что человек на иномарке!»

И я отдаю себе отчет в том, что ни грабежи, ни убийства, ни наркоторговля никого уже не шокирует, а причастность к подобного рода бизнесу никого не компрометирует. Наоборот, характеризует с наилучшей стороны: энергичный, сравнительно молодой еще человек живет в ногу со своим непростым временем...

И все же сегодня, несколько часов назад, мне стало не по себе, когда в зарослях померещилась его фигура. Дурной знак, быть беде! И к бабке не ходи.

А этот якобы предприниматель на черной «Волге»... Ему-то зачем понадобился Чернов? Хороший вопрос.

Немного подумав и сопоставив факты, я начал склоняться к мысли, что и бригада барнаульских гастролеров тусуется здесь не случайно. Из головы не выходил промчавшийся по Тихонову лугу к реке и обратно черный БМВ. Точно на таких же черных БМВ уехали братки из «Эльдорадо». И я не мог убедить себя в том, что это случайное совпадение марки и цвета двух разных машин, принадлежащих абсолютно разным хозяевам.

А ведь еще мне тогда вроде бы почудился и сдавленный крик. А еще именно там и именно в то же время я мельком увидел затаившегося Анатолия. И это тоже не было случайным совпадением. Темная история. Пахнуло какой-то тайной.

Чтобы как-то прояснить ее, я и отправился в Щебетовское. Там в районной больнице работал терапевтом один из

моих друзей детства. От него-то я и решил узнать интересные меня подробности пребывания Евгения Чернова в больнице и обстоятельства его побега.

Помимо того, я возлагал определенные надежды на осмотр Тихонова луга и разговор с Галочкой об ее ухажере. И еще! Я осознавал, что ввязывания в эти дела сопряжено с большим риском, но все же почти не сомневался, что ввяжусь в них. Хотелось бы понять – чего ради!

В Щебетовском

В регистратуре мне объяснили, что Зайчиков Владимир Алексеевич принимает в тридцать седьмом кабинете, второй этаж, по коридору направо. Возле его двери с табличкой «Терапевт» сидели три человека, я занял очередь и присел рядом. Когда я заглянул в кабинет, мой друг торопливо заполнял какую-то карточку. Это был худенький маленький чернявый человечек с великоватой для его тщедушного тельца заметно облысевшей головой.

– Проходите, присаживайтесь! – буркнул он, не посмотрев на меня. – На что жалуетесь?

– На друзей! – вздохнул я. – Зазнались, заелись, «не повернут головы кочан»...

– Валерка! – взвизгнул, подпрыгнув на стуле, терапевт. – Приехал, чертяка!

Мы обнялись, мой приятель даже прослезился. Из нас четверых он был самым впечатлительным. Зайчик (так звали

мы его в детстве) тут же предложил обмыть встречу в укромном и уютном, по его мнению, местечке – в морге. Я наотрез отказался.

– Даже и не настаивай – я за рулем, – пояснил я. – А тут гаишники на каждом повороте. Да и дорога на Тихоновку – сам знаешь какая. Оплошаешь – и костей не соберешь. Приезжай лучше ты к нам. Соберемся – ты, Колобок, Тюрючок и я – на берегу Зеленой и оторвемся тогда по полной.

Зайчик, разумная и добрая душа, не стал настаивать, но сам на радостях выпил, потом еще и еще. Это мне не понравилось, но я промолчал. Сначала, как водится, мы углубились в воспоминания. Благо рабочий день близился к концу и в кабинет никто не заглядывал.

Потом я перевел разговор на интересующую меня тему и узнал все, что можно было узнать. Правда, ни черную «Волгу» с затемненными стеклами, ни бородатого предпринимателя мой друг ни разу не увидел. Значит, на территории больницы они не появлялись – в наблюдательности ему не откажешь.

Захмелев, Владимир стал хвалиться тем, что он – половой гигант и что все особи женского пола стараются затащить его в постель. Похоже, его комплексы за эти годы так никуда не делись. Потом он начал подергивать плечиками, руками и прыгать на стуле, изображая ухарскую пляску, и наконец уснул, уронив свою умную и тяжелую голову на стол.

Я задумался. В принципе, можно было посчитать интерес

бородатого предпринимателя к Чернову праздным любопытством постороннего человека и успокоиться. Я же, наоборот, ощутил необъяснимую тревогу. Интуиция подсказывала мне, что за Черновым, а заодно и за братками и Анатолием приглядывал здесь, в райцентре, уже не сам предприниматель, а кто-то другой, на другой машине. И настолько ненавязчиво и профессионально, что никто этой слежки не заметил.

Мне это не понравилось. Я хотел знать, куда я собираюсь засунуть голову. Пришлось отзвониться в Барнаул. Там в милиции работал один мой хороший знакомый, бывалый опер, майор Виктор Городничев, краснолицый, усатый, здоровенный, за центнер веса, балагур, весельчак, мастер спорта по борьбе самбо, мой давний спарринг-партнер. Вот к нему-то я и решил обратиться за помощью.

Идентифицировать человека исключительно по самому распространенному в Сибири светлому цвету волос, телосложению да отсутствию двух пальцев на правой руке невозможно. Даже я, чайник в этих делах, осознавал это. И все же, отдавая себе отчет в абсурдности своих надежд, я набрал номер его рабочего телефона. Попытка не пытка, за спрос денег не берут и все такое. Только бы застать его в кабинете – рабочий день уже закончился. Мне повезло.

Мой жизнерадостный спарринг-партнер лишь привычно хохотнул, когда я обрисовал ему ситуацию:

– Ну ты, Мачо, гы-гы, даешь! Иди туда, не знаю куда! При-

неси то, не знаю что! Спроси, гы-гы, что-нибудь полегче!

И все же учитывая, что звоню я, Мачо, что обратился к нему за помощью первый раз, и догадываясь, что мной движет не праздное любопытство, он не бросил трубку. Минут пятнадцать майор сопел в нее, потом радостно загоготал:

– Хотя, гы-гы, про черную «Волгу» я что-то когда-то слышал... Да, и нехватка двух пальцев на руке какая-никакая зацепка...

Попробую навести справки. Сам понимаешь, гы-гы, только для тебя и только через магазин. Перезвони часика этак через два.

Этого времени хватило, чтобы отвезти так и не проснувшегося друга детства домой, пошариться по магазинам, купить Галочке медальон на золотой цепочке, себе продукты. В положенное время я отзвонился Городничеву.

Традиционно хохотнув, майор обнадежил меня: «Такое дело, Мачо! Может, это у тебя, гы-гы, и не паранойя. Может, ты пересекся с «оборотнями». Есть такая банда. Залетные! С Урала!

Все бывшие спецназовцы. Все прошли Чечню. Главарь – Никита Лаптев. Рост 174 см, волосы светлые, глаза синие. Худой, жилистый. В совершенстве владеет навыками рукопашного боя, отличный стрелок. Особые приметы: небольшой шрам над левой бровью, на правой руке нет, гы-гы, двух пальцев: мизинца и безымянного. Сечешь? Имеет серебристую «хонду», а вот у одного из поделщиков – черная, гы-

гы, «Волга». Сечешь?

Подозреваются в ограблении двух банков, ювелирного магазина, четырех убийствах. Накануне ограбления ювелирного магазина несколько человек видели поблизости черную «Волгу» с тонированными стеклами. Сечешь? Но реальных доказательств их причастности к каким-либо преступлениям, гы-гы, даже и кот не наплакал. Нет доказательств. Пусто! Одно слово – «оборотни».

Связываться с ними не советую, станешь, гы-гы, пятым. Хотя, зуб даю, свяжешься. Если жив останешься – нальешь. Если не получится – сам налью. На твоей, гы-гы, могилке. Ну, бывай!

Ошарашенный, я возвратился к машине, какое-то время сидел в ней, прикрыв глаза и собираясь с мыслями. Потом принялся заполнять дневник. Предостережение Городничева не выходило у меня из головы. Он знал, что я чемпион Сибири по дзюдо, приличный каратист, стрелок, и тем не менее сразу поставил на «оборотней». Пренебречь мнением не просто давнего приятеля и спарринг-партнера, но и опытейшего опера я не мог. Упаси бог! Здесь надо, как тетка, семь раз отмерить, а потом еще и сто раз подумать: резать или нет.

Глава 2

Преследование старообрядцев

В начале двадцатых годов восемнадцатого столетия очередная волна гонений на раскольников захлестнула Сибирь. Карательные экспедиции следовали одна за другой, отыскивая в лесах пустыни староверов и захватывая их. Нередко загнанные в угол раскольники отчаивались на крайний шаг – самосожжение.

В 1720 году сожгли себя, не пожелав подчиниться властям, обитатели монастыря на реке Ишим. В 1722 году направляется военный отряд против раскольников, обосновавшихся на реке Чумыш. Пустынь была разорена, староверы захвачены в плен и позднее казнены.

24 марта 1723 года было обнаружено и окружено войсками одно из последних убежищ раскольников на Алтае – деревня Елунина. После небольшой стычки елунинские дома вспыхнули как порох – раскольники предпочли плену гибель в огне. По преданиям, в Елунинской гари погибло более тысячи человек.

Уцелевшие староверы затаились в глухих лесных дебрях...

Десять лет спустя. Рай земной

Тиша твердо знал, что Зеленинский скит – лучшее место на земле. Посреди одного скита возвышается молельный дом – преогромный амбар с колокольной, колоколом и крестом на крыше и монахами-старообрядцами внутри. За молельным домом находится кладбище, за ним – предивная гора Терем, сложенная Боженькой из семи преогромных лепешек.

Слева и справа от молельного дома расположились два ряда домов. На окнах – затейливая резьба, на крышах – деревянные петухи. Улицы между домами широкие, чистые, покрыты травой-муравой. В небольших садиках под окнами растут черемуха, малина, смородина, марьин корень, огоньки, васильки, саранки и другие полевые и лесные цветы.

Дома самого Тиши, дядьки Андрея Звягина и дядьки Игната Соломатина были построены почему-то на некотором удалении от молельного дома на берегу речки Зеленой, рядом с небольшой рощей. И тоже красивые-прекрасивые.

Когда Тиша пытался представить себе рай, он почему-то получался похожий на их Зеленинский скит, только с Боженькой, Матушкой Богородицей, ангелочками с крылышками и без зимы. Зиму Тиша не любил.

Из состояния умиления и задумчивости его вывело появление мамочки и сестры Лизы с ведрами в руках. За ними увязалась шестилетняя Соня, крепко ухватившись за материнский подол.

Сердечко Тиши аж зашло от любви к мамочке: какая

она красивая-прекрасивая и нежная-пренежная. А еще она всегда старалась всем угодить, чем-то порадовать: и папочку, и Лизу, и Данилку, и Митю, и Алешку, и Соню, и его Тишу. И не из боязни – из любви. А еще в ее удивительных синих глазах таился какой-то непонятный Тише страх.

– Какая благодать! – ахнула мамочка, поцеловав Тишу и спустившись с крыльца. – Стою здесь на травке, и уходит неохота. Солнышко из-за горы поднялось, птички хвалу Богу поют. Слушаешь – и сердце разрывается от счастья. Разбуди, Тиша, папу. Грех спать! Пусть тоже порадует с нами.

– Пусть поспит, – улыбнувшись, заступилась за отца Лиза. – А ты чего подскочил?

От ее улыбки утро показалось Тише еще светлее и краше. Истинно красавица, в мамочку. Огромные синие глаза, в которых совсем нет страха, только радость, задор и доброта, чуть вздернутый премилый носик, алые губки, тонкий гибкий стан.

Недаром же по ней и дядька Игнат, и все другие парни пустыни сохнут. Тиша даже развеселился от этой мысли. Представить огромного-преогромного, широкого-преширокого дядьку Игната засохшим было невозможно.

– Чего подскочил-то? – переспросила сестра. Тиша счастливо-глуповато улыбнулся и пожал плечами. Он и сам не понимал, какая сила сегодня до зари еще подняла его с постели и понесла на улицу. Боженька, наверное. А может, просто в туалет захотел.

– Мамочка, а отчего птички поют? – осведомилась, напоминая о себе, маленькая Соня, требовательно дернув за материнский подол.

– Радуются, доченька, Бога славят, – поцеловав Соню в затылок, ответила мамочка. – Вот и поют!

– Они радуются, что я вышла? – уточнила сестренка, простодушно улыбаясь и нисколько не сомневаясь, что так оно и есть на самом деле. Она тоже была похожа на мамочку (на папочку ходили лишь Данилка да Митя), но в ее голубеньких, широко расставленных глазках светился не страх, а непоколебимая убежденность в своей исключительности.

– Пуп земли, – умилялся, глядя на нее, папочка. – Маленькая принцесса!

– Конечно, доченька! – умилялась и мамочка. – Как им не радоваться, если ты, солнышко, из дома выглянула?

Женщины двинулись к сараю доить коров. Тиша слышал, как упругие струи молока бьются о дно ведра.

– Как хорошо, что папочка привел нас сюда! – порадовался снова он. – Ведь здесь все есть: и лес, и пашня, и луга, и река Зеленая, и ягоды всякие, и звери, и рыба, и гора Терем, и гора Монастырь.

Тиша без памяти любил мамочку. Папочку он тоже любил, но боялся пуще огня. А еще он гордился им. Он был высок, даже выше самого дядьки Игната, хотя и не так широк. У него черные как смоль волосы, черные же горящие глаза, черная окладистая борода, громкий голос и преумная

голова.

Его все в пустыни, даже преогромный дядька Игнат и старцы из маленького дома, уважали, слушали и побаивались. И именно он привел всех сюда. Данилка, старший братик, мамочка и Лиза рассказывали им, что злой-презлой царь Петр, сущий антихрист, жестоко преследовал их – старообрядцев, сторонников истинной веры.

И они, староверы, не желая поклоняться лжехристу и служить антихристу-царю, прятались от него в лесах, тысячами сжигали себя в пустынях и скитах, бежали от него в Польшу, на юг и сюда, в Сибирь. Однако царь Петр нашел их и в Сибири.

Пустынь на реке Чумыш была разрушена, а взятые в плен раскольники казнены. Староверы, окруженные в Ишимской и Елунинской пустынях, сдаваться не захотели. Они предпочли умереть «за древнее благочестие» и сожгли себя. В Елунинской гари погиб брат отца Никифор.

Оставшихся тогда в живых старообрядцев и их семьи спас Тишин отец. Сначала он увел их от погони, а потом переправил людей со скарбом, скотом, лошадьми по весеннему тонкому льду между страшными полыньями на левый берег огромной-преогромной реки Оби.

Больше двух месяцев водил с молитвами отец раскольников по лесу, как когда-то Моисей водил евреев по пустыне. Он не знал страха, усталости, помогал всем, подбадривал всех и никого и ничего не бросил: ни больных, ни стариков,

ни иконы, ни старопечатные книги, ни колокол, ни скот, ни инструмент.

Тиша мало что помнил о тех скитаниях – ему тогда не исполнилось и четырех лет. Хотя и до сей поры снится иногда лютый огонь, страшные-престрашные полыньи на реке да волчий вой по ночам.

В конце концов папочка привел их сюда. Староверы построили здесь дома, амбары, бани, молельный дом, распахали целину и живут теперь, как у Христа за пазухой – в раю. В Зеленинском раю. Здесь воспоминания Тиши прервал уже отец. Он неслышно подкрался к нему и подбросил высоко вверх.

Тиша закричал от восторга. Ему страсть как нравилось, когда папочка подбрасывает его высоко-высоко, почти до неба. Сам он так мог подбрасывать маленьких Алешку с Соной, и им это тоже страсть как нравилось.

– Ну что, сынок, пойдем сурпу с куберями проверять? – спросил Тишу отец, опустив его на траву и взъерошив волосы.

– Ура! – обрадовался Тиша, и они отправились на реку.

Бугровщики³

Бугровщики появились в пустыни, когда папочка с Данилкой, Митей и им, Тишей, и все остальные мужики еще не

³ Бугровщики – жители Сибири, занимающиеся раскапыванием древних захоронений в курганах (буграх) с целью добычи вещей из драгоценных металлов.

вернулись с покоса. Мамочка рассказала, что было их девять человек. Семь из них прискакали на низкорослых мохнатых калмыцких лошаденках, а двое на породистых рысаках.

Всадники на калмыцких лошадях были обыкновенными крестьянами: картузы и малахай на головах, нечесанные бороды, изодранные грязные балахоны или халаты поверх холщовых рубах-косовороток, холщовые же шаровары, заправленные в длинные запыленные сапоги. Выглядели они усталыми и страшно испуганными.

Двое же на рысаках смотрели настоящими баринами. На головах диковинные шляпы с перьями, бороды сбриты, одни усы. Оба в дорогих шерстяных камзолах, с накидками на плечах: у одного – алая, у другого – голубая. За поясами по пистолету и сабли в отделанных серебром ножнах. Барина в алой накидке (он был главный) звали Анисимом, его помощника – Малютой.

Вели они себя в ските по-хозяйски, много шутили, громко смеялись над своими шутками, незло задирали крестьян. Гости облюбовали себе место в роще на берегу реки, испу-пались, запалили костер.

Позже, когда мамочка с Лизой и соседка тетя Дуня Звягина с дочерью Машей доили коров, Анисим с Малютой подошли к плетню, весело поздоровались, назвали бугровщиками. Некоторое время они, посмеиваясь, предерзко разглядывали женщин и девиц, развязно восхищались их красотой. Потом Малюта поинтересовался, где мужчины, а Ани-

сим вроде бы даже вежливо попросил продать им хлебушка, сальца, мяска, молочка, хлебной водки и меда.

Старообрядцы всегда держались обособленно от мирян, изменивших вере Христовой. На что хорош дядька Игнат: и силен как бык, и работающ, и добродушен, а все равно жители скита сторонились его. «Не видать ему Лизы, как своих ушей!» – вздохнул Тиша, которому дядька страсть как нравился. Прошлым летом, под осень уже он ездил с ним в чернь⁴ за кедровыми орешками. Анисим с Малютой мамочке и совсем не поглянулись. Ей стало страшно. В отсутствие мужчин она не решилась перечить пренаглым гостям и продала им все, что они требовали. Анисим рассчитался без обмана, но все равно до возвращения мужчин мамочку с Лизой трясло от страха.

Когда Тиша с папочкой и братьями вернулся в скит, было уже темно. Он так и не увидел бугровщиков, но какое-то время слышал их пение, пьяные голоса, смех и ругань. Ночью Тиша вроде бы слышал во сне выстрелы, чей-то страшный-престрашный голос, но так и не проснулся.

О том, что случилось, ему рассказал брат Данилка. Оказалось, что среди ночи их разбудил сосед, дядька Игнат Соломатин. Бугровщики ему сразу не понравились, и он решил послушать, о чем они говорят возле костра. Подкрасться к захмелевшим, потерявшим бдительность мужикам ему, бывалому охотнику, не составило труда.

⁴ Чернь – густые пихто-еловые леса с примесью осины и березы в Сибири.

Из их разговора дядька Игнат понял, что это действительно бугровщики и что этот сезон пошел у них прахом. Они раскопали пять бугров (могильных курганов), но ни золота, ни серебра в них не обнаружили. Там валялись лишь человеческие да конские кости, какие-то черепки, древние, изъеденные ржавчиной мечи, кинжалы, колчаны со стрелами. Из ценного лишь две золотые серьги да гребень.

Крах надежд привел в неистовство главаря шайки. В приступе бешенства злодей в алой накидке проткнул шпагой бугровщика, который привел их в эти места, обещая золотые горы. Перепуганные насмерть этой расправой крестьяне всю дорогу тряслись от страха.

Сам же Анисим, наоборот, развеселился, принялся шутить, петь песни и в ските устроил для бугровщиков пир. Раздухарившись, он объявил, что завтра, когда мужики отправятся на покос, они угонят табун лошадей (голов двести, даже поболее пасутся на лугу) и заберут сколько захотят из скита девок «в заклад».

– Алена надоела пуще горькой редьки, – подмигнув Малюте, хихикнул он. – Поиграюсь с Лизой.

Папочка надеялся, что, проспавшись, бугровщики одумаются и откажутся от злодейских намерений, но на всякий случай решил устроить засаду. Утром, еще затемно (косо, коса, пока роса!) часть мужиков отправилась на телегах на покос. Самые же отчаянные из раскольников, предупрежденные папочкой и дядькой Игнатом, тайно расположились

с ружьями в домах и амбарах дядьки Андрея Звягина, отца и дядьки Игната. Всего семнадцать человек.

Когда рассвело, Анисим принялся будить своих людей и опохмелять их. Какое-то время спустя бугровщики подступили к их дому и дому дядьки Андрея Звягина.

– Отворяй, хозяйка! – картинно подбоченясь, прокричал барин в малиновой накидке. – А то проспишь свое бабье счастье!

– Почто шумишь, оглашенный? – будто бы спросонья отозвалась мамочка, не открывая дверь. – Чего надобно?

– Дочь твою Лизу, понравилась она мне, – ухмыльнулся Анисим и, хихикнув, прибавил: – Беру в услужение! Царицей жить будет!

– А мне Марию подавайте! – загоготал Малюта. – Тоже не обижу!

Мамочка не нашлась что ответить им. Повисла тишина.

– Ну, открывай, баба! – начиная раздражаться, поторопил мамочку злодей. – А то пустим красного петуха – сами выскочите.

Он захохотал, довольный собственной шуткой. Услужливо хихикнул и кто-то из бугровщиков.

– Ну, выпросил, – рявкнул папочка, отворяя дверь.

Следом отворились двери и в других домах и амбарах, ощетинившись стволами ружьев. Бугровщики шарахнулись от плетня. Анисим выхватил из-за пояса пистолет, направляя его на папочку, однако державший его на прицеле дядь-

ка Игнат выстрелил первым. Пистолет выпал из руки злодея.

Малюта спяну соображал не так быстро, но тоже схватился за пистолет. И тоже выстрелить не успел. Данилка протянул дядьке Игнату свое ружье, и тот, не целясь, навскидку, прострелил руку и Малюте – он попадал на охоте белке в глаз.

Тут же дядька Андрей, тоже преизрядный охотник, сшиб своим выстрелом картуз с головы одного из бугровщиков. Остальных как ветром сдуло, и, развернувшись, они пустились наутек.

Сообразив, что его не собираются убивать, Анисим (он был не робкого десятка) подошел к своему рысаку и, ухватившись здоровой рукой за гриву, не касаясь ногой стремени, вскочил на него. Малюта так же легко уселся на своего рысака.

– Вы пожалели нам девок и табун, – подняв коня на дыбы, крикнул злодей в алой накидке. – Скоро пожалеете, что родились. Ждите!

Развернув рысака, он направил его галопом вслед за улепетывающими на своих низкорослых мохнатых калмыцких лошаденках бугровщиками. За ним мчался и Малюта. Алая и голубая накидка развевались на ветру...

Тиша едва не плакал от обиды, надо же – все проспал. Тем временем вернулся дядька Игнат, которого папочка отправил последить за бугровщиками. Проскакав за ними по их следам верст пятнадцать, он убедился в том, что злодеи воз-

вращаться не собираются.

И все же папочка распорядился выставить караул на дороге, ведущей к скиту. Ночь прошла спокойно, две следующие тоже. Тиша радовался – презлые бугровщики больше не возвратятся сюда.

Отец с той поры подружился с дядькой Игнатом и даже пообещал выдать за него Лизу, если тот перейдет в старую веру и «воспримет древнее благочестие». Тиша не сомневался, что ради Лизы богатырь «воспримет» все, что угодно папочке. Молодые радовались и краснели, увидев друг друга. Дядька Игнат подарил сестре перстенок с зеленым камушком. Иногда они прогуливались до горы Терем.

И все же папенька стал почему-то сердитым, раздражительным и продолжал посылать людей в караул. Молельный дом был зачем-то обложен преогромными кучами хвороста, соломы, смолы, бересты.

Глава 3

Новые знакомые

Проснулся я поздно. Выглянув из палатки, я увидел по соседству с моей машиной новенькую «девятку» вишневого цвета, а чуть дальше – две палатки. Возле них, разговаривая вполголоса, «накрывали поляну» двое незнакомых мужчин и Гриша. Я сразу подошел к ним познакомиться.

Выяснилось, что на помощь юноше прибыло обещанное подкрепление – его отец с приятелем. Отец – Сухарев Вениамин Тихонович. Сухонький светленький интеллигентный мужчина с несколько виноватым выражением лица, в выцветшей синей футболке и коричневых брючишках. Странное дело: сын однозначно походил на отца. При этом Гриша был ярким, красивым (одни выразительные синие глаза с длинными ресницами что стоят!), умеющим постоять за себя парнем, а его отец – ничем не примечательным невзрачным и, подозреваю, неуверенным в себе человечиком.

Его привез тот самый дядя Валера, Валерий Петрович Зуев, относительно молодой, чуть выше среднего роста, спортивного вида красавец. Слегка выющиеся черные волосы, умные, светящиеся энергией карие глаза, крупный нос, полные чувственные губы. Одет он был неброско, но с большим вкусом: импортные светлые брючки, рубашка – все высший

класс. Держался мужчина подчеркнуто просто, но чувствовалось, что цену он себе знает.

Вениамин Тихонович извинился за то, что они своим галдежом разбудили меня, что было неправдой, поблагодарил за помощь сыну, а Валерий Петрович пригласил на скромный, по его словам, холостяцкий обед. Я с удовольствием принял приглашение.

– Присаживайтесь! – вроде бы и несколько виновато, но и не без кокетства сказал Вениамин Тихонович. – С дороги мы толком не успели ничего приготовить.

– Вот это – ничего? – подыграл я ему, присаживаясь к расстеленной на траве скатерти и выразительно оглядывая море разных вкусовностей. – Гриша, ты и словом не обмолвился, что отец у тебя – новый русский.

– Он друг нового русского, – буркнул Гриша. – И уже заелся!

На мой взгляд, он чувствовал себя значительно лучше, чем вчера. На смену отчаянию пришла злость. Мужик!

– Начинается! – нарочито сокрушенно пожаловался Вениамин Тихонович.

– Раз живем! – разливая водку по рюмкам и хитровато глядя на меня своими цыганскими глазами, заговорил тезка. – Я на свою голову затеял строительство магазина. Сам понимаешь, сколько проблем: кирпич купить и завезти, цемент, гравий. Песок, сайдинг, пиломатериалы, подвести воду, электричество. За строителями глаз да глаз. Вот вырвал-

ся, наконец, на природу. Тихонович уболтал. Ну, за знакомство!

Мы выпили, потянулись к закуске. Чуть позже завязался непринужденный разговор. Мои новые знакомые были мне симпатичны, но их настрой мне не понравился. Они приехали искать исчезнувшего соседа в промежутках между пикниками, рыбалками и другими развлечениями. Да, собственно, и сами поиски Чернова они рассматривали как развлечение и маленькое приключение.

Я же был уверен, что здесь назревали о-очень серьезные события и вот-вот начнутся разборки. Уже начались! Пока без крови, но за ней дело не станет. И все было и будет как-то связано впредь именно с их исчезнувшим соседом, с Черновым.

Поэтому подключаясь к его поискам, они автоматически связывались в непонятную мне, но исключительно опасную авантюру. Я счел необходимым предостеречь своих новых знакомых, пока они еще не захмелели.

– Знаете, мне сегодня расслабляться нельзя – свидание с женщиной, – мечтательно ухмыльнувшись и подняв к небу глаза, мягко заметил я, когда тезка снова потянулся к бутылке. – Но я не хочу оставлять вас, не поделившись кое-какой информацией.

Мои новые знакомые недоуменно посмотрели на меня.

– Вчера Гриша охарактеризовал своего друга как человека психически больного, одержимого манией преследования, –

продолжил я, убедившись в том, что они слышат меня. – Вообразив грозящую ему опасность, он устраивает экстравагантный побег.

У меня сложилось впечатление, что вы разделяете его точку зрения. Собираетесь оперативно изловить своего помещанного соседа, чтобы возвратить в больницу и вылечить его там окончательно. Я правильно все понял?

– Более или менее, тезка. Ну и отдохнуть, конечно!

– Что-то не так?

– Все! – выдохнул я, снова ухмыльнувшись и посмотрев на небо. – Кое-какие случайно полученные вчера сведения натолкнули меня на мысль, что не все в этой истории просто. Обуреваемый любопытством (попала шлея под хвост!), я тут же помчался в Щебетовское наводить справки об обстоятельствах побега Чернова из больницы. Итоги моего расследования однозначны: опасность – не плод больного воображения вашего соседа. Ему действительно угрожала опасность.

– Жене? Не может быть!

– Что-то ты, тезка, не догоняешь! Или мы?

– Да зачем кому, дядя Валер, Женек нужен? Чтобы детский мат научил ставить?

– Понятия не имею! – пожал плечами я, прикрыл глаза, выстраивая аргументацию, потом значительно посмотрел на своих знакомых и веско произнес: – Но он нужен всем! Излагаю голые факты. Судите сами! Примерно за месяц до ис-

чезновения Чернова из больничного корпуса, где он лежал, появилась и надолго обосновалась иномарка...

– Черный БМВ! Мы видели, да, па? Как раз напротив Женькиной палаты. Прямо уперлась бампером в фундамент!

– Ее обладатель был такой крепенький парнишка с золотыми зубами.

– Стрижка бобриком, глаза навывкат, наглый как танк! – перебил меня тезка. – Я хотел ему морду набить!

– Хотеть не вредно! – поддакнул я, тактично умолчав о том, что у «наглого, как танк» паренька имеется первый разряд по боксу.

– Да, думаю, попроведую соседа – Тихонович усовестил, – продолжил ворчливо Зуев. – На входе справа – комнатка, дверь закрыта. Постучал, заглянул – там молоденькая медсестра и хрен этот. Тоже в халате. Еще подумал – нового врача прислали. Ну, улыбнулся, поздоровался, спрашиваю: в какой палате Чернов лежит? Медсестра тоже улыбнулась, ответила. А хрен этот как вскинется: «А зачем тебе, мужик, Чернов понадобился?»

Ну, я вежливо: «А какое твое собачье дело, зачем мне Чернов понадобился?»

А он, гнида, еще вежливее: «Пойдем, мужик, за угол, поговорим!»

«Поговорим, – говорю, – только вот Женьке фрукты сначала передам». Но до рукопашной дело не дошло. Когда вернулся, его уже не было. Медсестра в слезах просит ни глав-

врачу, ни в милицию об инциденте не сообщать. Иначе, мол, ее уволят.

Еще бы не уволить. Я чуть не каждый месяц отстегиваю в больницу то на краску, то на линолеум, то на пластиковые окна... Облизывать должны, а тут такой прием... Да и не собирался я жаловаться, но злость до сих пор не прошла.

Тезка лишь рукой махнул от досады.

– Зовут этого хрена Ромео, – посмеиваясь, продолжил я. – По моим сведениям, он сынок главара бригады барнаульских рэкетиров. За Ромео постоянно приглядывал какой-то угрюмый «шифоньер» – не то водитель, не то телохранитель. А иногда и еще кто-нибудь.

Это дежурство иномарки у больничного корпуса местная общественность приписывала, хм, бурному роману, случившемуся между Ромео и миленькой медсестрой. И все же мое вчерашнее расследование не оставило камня на камне от этой трогательной версии.

Я чувствовал, что сбиваюсь на менторский тон. Но не мог остановиться. Работа в школе уже наложила на меня свой неповторимый отпечаток.

– Роман с медсестрой был прикрытием для слежки за вашим соседом, – пояснил я. – Во-первых, иномарка дежурила возле больницы даже тогда, когда медсестры в ней не было. Во-вторых, одновременно с исчезновением Чернова (это случилось с неделю назад) исчезла и любовь Ромео к медсестре, и иномарка, и он сам.

Зуев и Сухарев переглянулись.

– Более ничем мой друг не смог порадовать меня, но... – ухмыльнувшись и по привычке воздев глаза к небу, заявил я и, многозначительно помолчав, прибавил: – Но когда я спросил его про синюю «Ниву», он, подумав, припомнил, что довольно часто какая-то синяя «Нива» появлялась на некотором отдалении от больничного корпуса. Ее владельца он никогда не видел, но я знаю его. Это Анатолий Храмцов.

– Анатолий Георгиевич? – вскинулся Гриша. Я кивнул.

– Тренер из «Спарты», – пояснил отцу и его приятелю юноша. – Ну, тот... который чуть не пришиб меня. Зверь! Орет, кидается на всех. А Женька, дурак, к нему записался.

– Я знаю его не один год. Мы поддерживаем дружеские отношения, но... он о-чень опасен.

– Ну ни фигя себе, дядь Валер! Ведь он тренировал Женьку и... теперь возле него оказался. Случайно?

– Однозначно нет! – отрезал я и продолжал: – Помимо братков и Анатолия, вашим соседом интересовался один, хм, предприниматель. Но о нем – позже.

Чернову удалось их всех перехитрить. Он не так уж и прост, этот душевнобольной ваш сосед. Один побег из больницы чего стоит. Ведь его опекали так, что, казалось, мышь не проскочит. Ромео, флиртуя с медсестрой в кабинете у входной двери, контролировал эту дверь. В их отсутствие за ней присматривали другие бандиты.

Под окном палаты, в которой лежал ваш сосед, постоянно

дежурил черный БМВ с телохранителем. Вроде западня захлопнулась. А Чернов бежит через окно, выходящее на другую от иномарки сторону. Из чужой палаты. На простынях, со второго этажа. Блеск!

– Блеск! – ошеломленно проговорил Гриша. – Ну ни фига себе!

– Но сейчас речь идет не о побеге, а о продолжении охоты на него. Вы предположили, что он скрывается где-то здесь, в окрестностях Тихоновки. Верность этого предположения косвенно подтверждает тот факт, что вся вышеперечисленная публика оперативно перебралась из Щebetовского именно сюда.

Рэкетеры уже несколько дней живут в доме Семена Мамочкина. Не далее как вчера мы с Гришей наблюдали их пышный выход из кафе в «Эльдорадо». Кстати, Гришину подружку вел под руку... сам Ромео, который еще неделю назад был вроде бы без ума от беленькой пухленькой медсестры из райцентра. Он был неотразим: одни подтяжки чего стоят.

Я видел, как густо побагровел Гриша, как растерянно посмотрел на меня его отец.

– Нет, нет! – твердо ответил я на немой, не дававший им покоя вопрос. – Ошибка исключена. Все сходится, как в аптеке, начиная со словесных портретов и заканчивая маркой, цветом и номером машины.

И еще! Уверяю вас – рэкетеры срочно перебрались из Щebetовского в Тихоновку не потому, что Ромео вдруг охла-

дел к медсестре и страстно влюбился в Гришину подружку. *(Гриша снова покраснел – уже от злости.)* Они бросились в погоню за Черновым.

Дальше! Анатолий поселился в «Эльдорадо» и уже навел справки о вашем соседе в магазине у моей Галочки. Представился дядей.

Повторю, он очень опасен. И я не позавидую никому, кто по глупости, неосторожности или просто нерасторопности окажется у него на пути. В том числе и вам, если вы все-таки не уйметесь и ввяжетесь в поиски Чернова. Уверен, он не раз еще скажет слово в грядущих разборках. И боюсь, оно будет и решающим, и последним.

– Не пугайте нас! – побледнев, проговорил Вениамин Тихонович. В глазах у Гриши загорелся интерес. Зуев казался внешне невозмутимым.

– Упаси бог! – усмехнулся я. – Просто предупреждаю. Теперь о предпринимателе...

Здесь я решил несколько разрядить напряженную обстановку и приколоться. Я замер, будто осененный грандиозной идеей, и выдохнул:

– Черт! Эврика! Как я сразу не догадался? А ларчик-то открывался просто. Сейчас проверю. Чем черт не шутит?

На днях в магазин к Галочке заявился один... предприниматель. *(Слово «предприниматель» я произнес с нажимом, многозначительно посмотрев на Зуева.)* Он пояснил, что вообще-то приехал в Тихоновку за медом, а попутно навести

справки об исчезнувшем соседе Евгении Чернове. По просьбе матери. Она места себе не находит.

Здесь я хмыкнул, потом изобразил даже смущение и, не спуская глаз с Зуева, продолжил невинно:

– Росточка повыше среднего, как ты, Петрович. Сухощавый, спортивный, опять же как ты. В камуфляже, с бородой, усами, в солнцезащитных очках, на голове панама... Ты, тезка, мед в Тихоновке не покупал?

– Обязательно! Такой мед грех не покупать!

– Приехал предприниматель на «Волге», – гнул свою линию я. – У тебя «девятка», а раньше на «Волге» ездил?

– На «Волге», – подтвердил тезка.

– На черной?

– Нет, белая была, а что?

– Перекрасил, значит, – глубокомысленно извлек я. – Выходит, это ты расспрашивал про своего соседа. Ну вылитый ты! Все сходится: и предприниматель, и сосед... И выше среднего роста, и худощавый, и спортивный... И на «Волге», и по просьбе матери, и опять же без ума от тихоновского меда. Один к одному! Стопроцентные улики. Колись! Чисто-сердечное признание смягчает вину. Лет пять потопчешь зону и...

Про нехватку двух пальцев на правой руке и про то, что тот предприниматель был скорее блондин, нежели брюнет, я умолчал. Опять же для прикола. Сухарев-старший почти повелся на него и встревожено посмотрел на приятеля.

– Не катит, дядь Валер! – мгновенно отреагировал Гриша. – На «Волге» теперь дядя Слава Черников гоняет. И он и не думал перекрашивать ее. Зачем?

– И мама Жени, Зинаида Алексеевна, никого уже и ни о чем не могла попросить, – опомнился и Вениамин Тихонович. – Ее схоронили еще в марте.

– Ты что, паразит, такое наговариваешь на меня? – блестя цыганскими глазами, засмеялся Зуев, не восприняв всерьез мой наезд и нисколько не обидевшись. – Не буди во мне зверя, а то я не посмотрю, что ты один толпу в «Эльдорадо» разогнал... Со мной не забалуешь!

– Шутка! – засмеялся я. – У того предпринимателя не было двух пальцев на правой руке. И сдается, он был беленький, а не черненький. Спи спокойно! Шутка! А если серьезно...

И я рассказал им о звонке в Барнаул и о разговоре с Виктором Городничевым. Предостережение бравого усатого майора: «Связываться с “оборотнями” не советую – станешь пятым» – я повторил дважды. Оно, похоже, дошло и до моих новых знакомых. Они подавленно молчали.

– Итак, все заинтересованные стороны заняли исходные позиции, – буднично, даже устало подвел я итоги, возвращаясь к менторскому тону. – И эта публика уже сцепилась в схватке за обладание вашим Черновым, как голодные собаки за кость. Не знаю уж, какой корысти ради, но подозреваю – существенной.

И вам нужно очень серьезно подумать, стоит ли ввязываться в эту авантюру. Ваш сосед (повторю, он не так прост, как всем казалось) рискует жизнью, но при этом надеется сорвать банк. С вашей же стороны участие в ней – чистая благотворительность. Тоже с риском для жизни.

Не надо быть ясновидящим, чтобы догадаться, что первой жертвой в этой бойне станет кто-нибудь из вас. Хотя бы в силу вашей очевидной непрофессиональности в подобного рода разборках.

Я умолк. Вениамин Тихонович побледнел. Валерий Петрович недоверчиво посмотрел на меня, но спорить не стал.

– Ты, дядь Валер, прям Демосфен, – проворчал Гриша, недовольный тем впечатлением, которое произвели мои слова на его отца. Лично он уже рвался в бой.

– Вы не правы в отношении Жени, – тихо, извиняющимся голосом проговорил Вениамин Тихонович, – это большой ребенок. И очень больной... И мы лишь хотим помочь ему...

Я ухмыльнулся – этот большой и о-очень больной ребенок обвел вокруг пальца совсем не лохов: «оборотней», Анатолия, братков Мясника, подбивал клинья к моей Галочке. А еще он разнюхал что-то сенсационное. Совсем не хило! Хотя вчера утром лопухнулся и он.

– Будет разумнее, если вы возвратитесь домой и обо всем расскажете в милиции, – поморщился я, проигнорировав их последние реплики. – Такими делами должны заниматься профессионалы. Но... боюсь показаться навязчивым. «Ду-

майте сами, решайте сами – иметь или не иметь». В смысле проблемы.

Поблагодарив их за доброе застолье, я отправился к своей палатке, сделал соответствующие записи в дневнике, полез под подушку за «Униженными и оскорбленными» и... наткнулся на письмо. Красивый женский, явно не Галочкин почерк. Я пожал плечами и пробежал начало письма глазами.

«Hello, чемпион!

Пишет тебе твоя Надюшка. *(Ах вот оно что. Это Грише!)* Скучаю без тебя. Без твоего голоса, бездонных синих глаз, улыбки, сильных нежных рук. Без твоих незабываемых объятий и поцелуев.

Но только окружающие об этом не догадываются. Весь день я хожу со счастливой улыбкой на губах и с не понятной никому тайной в глазах. И только ночью, глядя на луну в окно или уткнувшись в подушку, позволяю себе вспомнить все снова и снова, помечтать, пофантазировать, а то и всплакнуть от счастья.

Твой взгляд – магнит,
Твой голос – кайф,
И ток – твои объятия.
И это все так нужно мне,
Чтоб окунуться в счастье...

Стихи вообще стали сыпаться с неба. Просто даже, когда

о чем-нибудь думаю, мысль рифмуется сама собой...»

Письмо Грише от Нади. Такая любовь – и... Не устояла перед итальянскими брюками и умопомрачительными подтяжками. И Гриша не изорвал его вчера в клочья, перечитывал на сон грядущий и спал (если спал), положив его под подушку. М-да... Как все сложно. Надо вернуть!

Я прибрал письмо и переключился на Достоевского. Однако вскоре отчасти под действием спиртного и еще больше от бессонных ночей с Галочкой уронил голову на книгу и задремал.

Жребий брошен

Меня не слишком деликатно растолкал Гриша. За ним стояли нахохлившийся Вениамин Тихонович и нервно улыбающийся Валерий Петрович. Похоже, компания приняла судьбоносное решение. Я взглянул на часы – прошло более трех часов. Решение далось им нелегко.

Вениамин Тихонович на правах старшего по возрасту в своей обычной извиняющейся манере проямлил, что как бы то ни было, а оставлять человека в беде нельзя. Даже и по этой жизни. Позже он признался мне, что презирал себя в тот миг за интеллигентскую мягкотелость, за то, что прогнулся и позволил сыну с приятелем уговорить себя на поиск Чернова.

– Поэтому жребий брошен, Рубикон перейден, гордиев узел разрублен! – громогласно объявил Гриша, заглушая

сердечную боль и еще более усиливая ужас отца за принятое решение. Валерий Петрович любезно заверил не то меня, не то своего приятеля, что даже при малейшем намеке на опасность ими будет немедленно подключена милиция.

– А теперь, дядь Валер, самое время брать быка, в смысле тебя, за рога, – настырно обратился ко мне Гриша. – Не темни, дядь Валер! Бесплезно! Выкладывай все до конца. Ты ведь как заявился под утро, не спать лег, а поперся куда-то и что-то там разнюхал. Сто пудов! Колись!

Ну жизнь пошла! Не успел толком рогами обзавестись, а кое-кто уже норовит не только потрогать, но и крепко ухватиться за эти самые рога. А то и на шею сесть. Ну, орел! Ну, нахал! Счет все на лету. А вроде спал как убитый.

Что ж – люди они взрослые, решение приняли самостоятельно, вопреки моим предостережениям. Я умываю руки и снимаю с себя всякую ответственность за их деятельность и самодеятельность. У нас демократия! Лично я торопиться не буду.

– Договорились! – ухмыльнулся я, подмигнув Грише, и незаметно сунул ему письмо. – Гулять так гулять, как говаривает моя бабуля!

И привел их на Тихонов луг.

– А теперь, по русским обычаям, отгадайте-ка, добрые молодцы, три загадки! – ухмыльнувшись и воздев глаза к небу, торжественно проговорил я. – Загадка первая: какие папиросы курит Чернов?

– Легко! – беспечно отозвался Гриша. – «Петр Великий»! А еще Женек любит горький шоколад, крепкий кофе и... Настю. Я знал его, как свои пять пальцев!

– А вот я и свои пять пальцев толком не знаю, – пожаловался Вениамин Тихонович, посмотрев на руки.

– Это правильный ответ! – объявил я, подражая голосу и манере поведения Марии Киселевой в ток-шоу «Слабое звено», и продолжил: – Загадка вторая! Что могут означать три коряво начертанные белой масляной краской на черном приборе «Щ. с. ш.»?

Вениамин Тихонович недоуменно, потом встревоженно посмотрел на меня. В его глазах промелькнула какая-то догадка. От человека, не имеющего представления о своих пяти пальцах, я этого не ожидал.

– А вот этот вопрос мне по силам, – не вполне уверенно проговорил он. – Возможно, это Щebetовская средняя школа. А что?

– Это правильный ответ, – бесстрастно произнес я, проигнорировав вопрос. – Загадка номер три! Какую, добрые молодцы, песню чаще всего пел ваш сосед?

Добрые молодцы переглянулись.

– Петь – это сильно сказано! – тонко улыбнулся толстыми губами Зуев. – Но если это позволительно назвать пением, то петь Женька любил. Это даже я знаю.

– Певец он еще тот! – поддакнул Вениамин Тихонович. – Но не мне его судить.

– «Белый лебедь на пруду»! – твердо ответил Гриша. – Па, помнишь? Последний раз зашли попроведовать, а он держит Настю за руку и поет: «Я куплю тебе дом!» А у самого слезы по щекам текут.

– Да, да! Я тоже чуть не прослезился.

«Что и требовалось доказать. Все срослось!» – промелькнуло у меня в голове.

– И это правильный ответ! Я горжусь вами! – напыщенно провозгласил я вслух и, отбросив игру, продолжил уже будничным тоном: – Это Тихонов луг. О его прошлом – позже. Настоящее! Вчера я стоял во-он там, вспоминая, куда идти, под песню «Я куплю тебе дом».

В это время мимо меня проскочил к реке черный БМВ. Затем я вроде бы услышал сдавленный крик, и певец умолк. И следом иномарка, прыгая по кочкам, промчалась обратно. Вот следы от нее.

А слева, вон в тех зарослях черемухи перед сосной, я разглядел Анатолия. Это все, что я увидел и услышал вчера. А вот что сегодня увидел утром – не скажу. Смотрите сами. Вы хотели расследовать – расследуйте! Самое время! Карты в руки! Вперед!

Мои новые знакомые бодро двинулись по следу иномарки, который, на их счастье или, наоборот, несчастье, все еще просматривался в примятой ее колесами траве. Как и все слегка захмелевшие люди, и Вениамин Тихонович, и особенно Валерий Петрович старались выглядеть абсолютно трез-

выми, адекватными и страшно деловыми. На берегу Зеленой я оставил их и отправился на поиски подходящего для купания места. Уходя, я слышал их возбужденные голоса:

– Все, включаем мозги! Все по-взрослому.

– Смотрите, следы!

– Ну ни фиги себе каменюка.

– Сюда, сюда, окурки!

– Пустая пачка, «Петр Великий»!

– Па, глядь, компас!

«Следствие ведут знатоки!» – с легким сарказмом подумал я. Накупавшись всласть, я возвратился к своим новым знакомым. И как раз вовремя. Блистательное расследование было полностью завершено. Теперь им, особенно тезке с Гришей, позарез требовался свидетель, способный оценить их умственный подвиг и зафиксировать его для истории и благодарных потомков. Чем, собственно, я и занимаюсь...

– Слушайте! – с трудом дождавшись, когда я подойду поближе, нетерпеливо заговорил Зуев, хитро посверкивая своими карими глазами. – Женька точно был здесь!

Я невольно улыбнулся – настолько этот покрасневший азартный Зуев был не похож на того, которого четыре с небольшим часа назад представил мне Гриша – элегантного, несколько высокомерного нового русского. Он и сам почувствовал, что вышел из образа, и рассмеялся.

– Женька остановился возле этого камня, – отсмеявшись и положив на него руку, продолжил тезка уже в своей обыч-

ной иронично-небрежной манере. – Он никак не мог определиться по жизни, нервничал, сомневался и курил одну папиросу за другой. Как-то так! Мы обнаружили здесь пять окурков.

Коммерсант помолчал, всем видом показывая, что считает нерешительность самым тяжким смертным грехом. Гриша, не обремененный подобным недостатком, воспользовавшись паузой, тут же вклинился в его монолог и, округляя глаза, принялся рассказывать, как на берег выскочил черный БМВ и резко затормозил возле камня.

Как синхронно, и никак иначе, раскрылись все четыре дверцы (насмотрелся боевиков!), и бритые наголо братки с кобурами под мышками и золотыми цепочками на шеях направились к его другу.

Тот, парализованный страхом, не смог даже и пошевелиться. Лишь в последний момент он вскрикивает и отбрасывает компас в сторону. Братки тут же подхватили его друга под руки, поволокли к машине и зашвырнули в багажник.

– Вот следы на песочке, дядь Валер, четырех братков от машины к Женьку. А вот следы обратно к иномарке. Уже пять пар ног. Все перемешано, но разобрать можно. Посередине Женек. И его следы, дядь Валер, заканчиваются не сбоку, напротив дверей, а возле задних колес – значит, запихнули в багажник!

Я молча поднял большой палец вверх.

– Бедный мальчик! – прошептал Вениамин Тихонович.

– Следом бандиты прыгают в БМВ, и тот, изрыгая из-под колес песок и камни, мчится назад. Вот следы пробуксовки! Как-то так, – азартно продолжил тезка, но вдруг замолк и прибавил сердито: – Одно не пойму: какого хрена он столько времени топтался вокруг этого камня? Я понимаю – тормоз, но не до такой же степени!

Я пожал плечами. Потом высказал свою точку зрения:

– Теперь, задним числом, Валер, я догадываюсь, что ваш сосед обнаружил слежку – Анатолия Храмцова в тех кустах. Он растерялся, запаниковал, вообразил, что шансов на спасение нет. Так было и на самом деле – я, повторю, хорошо знаю Храмцова.

– И он, дядь Валер... запел?

– Да! «Мало шансов у нас, но старик-барабанщик, что метает шары» и все такое. Обычно так поют «Врагу не сдается наш гордый “Варяг”»!

– Бедный мальчик!

– Все ясно! – сердито сказал Гриша, смахнув непрошеную слезинку. – Братки отвезли Женька к... как его... Пельменю, а сами отправились обмывать победу в «Эльдорадо». А мы ждали, когда они нагуляются. Проехали!

Женек у Пельменя. Сто пудов!

Чё делать будем?

– Обсудим в лагере! – решил я.

Тюрючок

Но обсудить мы ничего не успели. В гости пожаловал лучший друг детства – Шурик Вальков. На мотоцикле, заляпанный грязью и, как всегда, в меру пьяный и веселый. Я выругался. Мысленно! Черти принесли! Ни раньше ни позже! Вечер коту под хвост – не отцепится, пока не упадет замертво возле своего мотоцикла.

Смирившись с этим, я посоветовал своим новым знакомым действовать по ситуации, а еще лучше – ничего не предпринимать до утра. Утро вечера мудренее. Сам же решил не ропща нести свой крест до конца и полез в рюкзак за бутылкой. Однако Шурик царственным жестом остановил меня и, подмигнув, извлек из люльки свою.

Мы выпили (я лишь пригубил) и закусили. Шурик без умолку хвалился тем, что второй уже раз за неделю развел на бабки, точнее на водку, заезжих браконьеров, обосновавшихся где-то на Трофимовой ферме.

– Был у нас фермер такой – Трофим Лямкин, – посмеиваясь, счел необходимым пояснить он. – Прикинь, сам бросил все и уехал куда-то еще лет шесть или семь назад, а место до сих пор так и зовется Трофимовой фермой. Там и дом его стоит, и сарай, и гараж.

О Шурике (родители называли его Санюхой и Тюрючком) я еще не упоминал. Колоритная личность. В детстве ангелочек, плакса, маменькин сынок со своеобразным, каким-то воркующим говорком.

Со временем он заматерел и превратился из ангелочка в

вальяжного, уже несколько обрюзгшего красавца с крупными зеленоватыми глазами и неисправимого бабника. В свое время Шурик закончил колледж культуры, работал завклубом, бригадиром на ферме, потом несколько сезонов на приiske, сейчас лесником. Охранял, вернее, пропивал лес в меру своих возможностей.

– Вот такие мужики! – верещал, посмеиваясь, Тюрючок. – Прикинь, решили подзаработать продажей леса. И прикинь, моего! А у меня ни-ни! Строго! Ша! Пока не проставитесь – близко не подходи! Ну, построил их, нагоняю страха. Вижу – не канают. Они набычились – обходить начали – самому страшно стало. А что? Воткнул нож в спину, бросят в болото – и хана!

Волосы дыбом, но вида не показываю, стою на своем: «Пока не проставитесь в деляну с бензопилой – ни ногой! Ша! Я сказал!» Они как про это дело услышали (*Тюрючок выразительно щелкнул себя по шее*) – помягчали сразу, разулыбались. Глазом моргнуть не успел, как накрыли поляну. Я уже когда гармонь увидел, да меха растянул, да сбавил «Цыганочку» с выходом, потом «Яблочко», потом песни – и гуляй рванина! Назад на автопилоте добирался. Как, хоть убей, не помню.

А сегодня приехал, сидят, прикинь, возле костра сумрачные, Чечню вспоминают, поминают погибших друзей. И меня, представителя власти, не обнесли.

– Прими, говорят, Григорьевич, не побрезгуй, помяни то-

варищей наших... Пять лет уже нет их с нами, пять лет.

Принял, потом еще и еще! Ну и напоминались! Я-то в норме – вовремя слинял, а они... Вот такие мужики! Прикинь, а!

Я добросовестно прикидывал, но не разделял его восторгов. Ведь благодаря вот таким мировым мужикам и представителям власти скоро в округе от леса останутся одни пеньки. Но вслух ничего не сказал. Подумаешь лес изведут. Страну разворовали – и то никто не заметил.

Следом мое внимание переключилось на Зуева. Только что его «девятка» скрылась в лесу. Мне он определенно нравится. Амбициозный молодой человек явно не робкого десятка. Немедленно принимаемся за реализацию собственных идей. Вот черти понесли куда-то на ночь глядя. Уверен, на поиски, а то и освобождение Чернова. Не наломал бы дров. Надо бы подстраховать, да разве отвяжешься от Тюрючка.

– Прикинь, вот такие мужики! «Москвичок» у них зеленый. На вид – хлам, а работает как часы. Мотор зверь! – пошел на второй круг мой приятель. – Хозяйственные – ужас! Лес валят, рыбку ловят, солят и коптят по своим каким-то рецептам. Сегодня угостили – пальчики оближешь!

Кстати, хи-хи, о пальчиках. У одного на правой руке аж двух не хватает – под самый корешок циркуляркой отхватило. Прикинь, не знаю ни одного плотника с целыми пальцами. Профессиональная, хи-хи, болезнь! Ну, чего вылупился?

Не видел что ли? Наливай!

Меня как обожгло. Я машинально разлил водку по рюмкам и, позабыв про зарок, выпил. А что, если... Черт!

На несколько минут я полностью выключился из разговора. Однако Тюрючок был слишком пьян (хихиканье означало предпоследнюю стадию опьянения), чтобы обратить на это внимание. К тому же он с детства предпочитал монологи диалогам.

– Это они! – сообразил я. – Быть или не быть? Сейчас или никогда!

Ситуация была исключительно благоприятной. И она уже не повторится. Упускать момент было нельзя, хотя...

– Быть! Сейчас! – решил я и снова включился в разговор.

– Вот такие мужики! – ворковал Шурик. – Прикинь, сначала насупились, так и пахнуло холодом – думал, конец. Нет, оттаяли. А уж когда, хи-хи, я спел их любимые еще с Чечни песни: «Черный ворон», «Не для меня придет весна», «Кукушка», «Любо, братцы, любо», – они плакали, как дети, не хотели отпускать меня. «Еще, батя, одну спой, еще!» А какой, хи-хи, я им батя? Прикинь, а?

Наконец банкет был закончен, и Тюрючок на своем мотоцикле отправился домой. Снова на автопилоте. Мои планы серьезно изменились. Вместо свидания мне предстояло утрясти кое-какие неожиданно (или ожидаемо?) возникшие проблемы. Пан или пропал!

Усаживаясь в машину, я ощутил легкую слабость. Как пе-

ред решающей схваткой на татами. В голове раз за разом прокручивалось пророчество майора: «Станешь пятым, станешь пятым, станешь пятым...»

Усилием воли я взял себя в руки и продекламировал вслух строчки из любимого Блока:

Не может сердце жить покоем,
Недаром тучи собрались.
Доспех тяжел, как перед боем.
Теперь твой час настал – молись!

После этого я помахал рукой Вениамину Тихоновичу, Грише и, аккуратно объехав палатки, углубился в лес.

Пельмень и Мясник

Семен Мамочкин прикрыл за собой калитку, привычно потрепал за шеи двух огромных, с телков, лохматых черных кобелей и неосторожно осмотрелся. В центре ограды, спиной к нему, в одних шортах, выставив вперед руки с «лапами», возвышался сам Серега Мясников. Гора горой! Мощная широченная спина лоснилась от пота.

Вокруг него прыгал, осыпая «лапы» градом ударов, невысокий, худощавый и какой-то щуплый на фоне отца Ромео. Рядом молотили боксерский мешок два других бойца. Остальные резались в карты.

«Хорошо хоть опять не ужрались, Серега не дал, – с некоторым облегчением подумал Семен. – И на этом спасибо!»

– Пробил «троечку» – и сразу руки назад, а не то... – пыхтя, ворчит Мясник и тут же легонько бьет «лапой» в незащищенную печень, а правой – через руку сына боковой в челюсть. – А ты как хотел? Не разевай варежку!

Морщинистое лицо Семена тем временем приобрело встревоженное выражение, и он решительно направился к корешу.

– Слышь, Серег, – обратился он к нему. – Тут такое дело.

– Ну, говори! – положив «лапы» на скамейку, утирая пот полотенцем и тяжело дыша, разрешил Мясник.

– Я тут к Колобку заглянул насчет ремонта своей «шохи»: шаровые поменять, развал колес подрегулировать, крыло выправить – сын вчера со столбом не разминулся... Наставили их тут! – не без юмора заговорил Семен. – Ну, сидим, курим на крыльце. А аккуратно через дорогу – хибарка Копченого.

Слышь, гляжу, а из нее вываливает Кобель, участковый наш, а с ним мужик один – Валерка Зуев. Он года четыре назад торговал у нас казахским и китайским барахлом, оптом скупал мед и увозил куда-то на север. Теперь, слышь, в люди выбился.

Ну, любопытно стало, что им от Копченого надо. Конечно, у Кобеля с Копченым пути чуть не каждый день пересекаются: то курицу у кого сворует, то белье с веревки снимет. Может, и у Валерки что спер. Орел еще тот! Но, слышь, что-то беспокойно на душе.

Ну, вопрос решил – и к Копченому: чего, мол, участковый к тебе приперся? Не стырил опять чего и, случаем, не у меня? А тот: «Обижаешь, Сема! Ты меня знаешь: у своих – ни в жизнь. Тут другое: про мужика спрашивал, которого вчера утром твои постояльцы в багажнике привезли. Не видел, мол, случаем, когда у Мамочкина со свиньями управлялся?»

Братва побросала и боксерский мешок, и карты.

– И что? – хмуро спросил Мясник, уставившись на Семена круглыми, навывкате глазами и сдерживая закипевшую ярость. На кону такой куш, а у них косяк за косяком: то нажрались до блевотины и стрельбы по курам Пельменя из пистолетов, то с малолеткой связались. Теперь, выходит, не соизволили дожждаться, когда Копченый смоется, – торопились в «Эльдорадо». А то и своей крутизной перед ним хвастались. Ну бригада, ну бойцы. Сам виноват – распустил вожжи... Все! Пиз...ть всех и ставить всех в стойло.

– Божится, что не видел, да ему и соврать, как два пальца обоссать! На столе, слышь, наполовину выпитая бутылка и полбатона дорогой колбасы. Думай что хочешь! Я, дурак старый, связался с алкашом. Все за дешевизной гоняюсь. Да и вы, слышь, хороши. Все вам море по колено. Расхлебывайте теперь.

– А этот Зуев, случайно, не на вишневой «девятке» гоняет, сам на цыгана смахивает? – вкрадчиво спросил Ромео.

Мамочкин кивнул.

– Я его видел в магазине с час назад. Водку покупал, –

буркнул один из братков. – А у крыльца вишневая «девятка». Падла!

– Вот сволочь! – скрипнул зубами Ромео. – Недели две-три назад пересеклись наши с ним пути в больнице. Тоже про этого чокнутого вынюхивал. И что я ему тогда шею не свернул? Дождется!

– И сидел бы теперь, сопляк. И дело бы сгубил на корню. Шанс жизни! Это тебе не Аделинку с Надькой трахать. Здесь соображать надо. С серьезными людьми надо разбираться аккуратно и без свидетелей, – хотел было выплеснуть на сына свою ярость бандит, но снова сдержался. – Об этом позже. Разбор полетов – тоже! Сейчас – о деле. Рисковать не будем. Клиента на ночь спрятать в лесу, а там видно будет.

Дневник В. Корнева. Триумф Зуева

Возвращался я в лагерь уставший, как никогда в жизни, и никогда в жизни мне не было так плохо. Меня тошнило, любое движение отдавалось в голове страшной болью, управлял машиной я исключительно на морально-волевых качествах.

Немного не доехав до лагеря, я остановился на берегу Зеленой и опять же на морально-волевых принялся мыть машину. Мне не хотелось заниматься этим в присутствии своих новых знакомых, чтобы избежать нежелательных расспросов. Но не судьба!

– Ну ни фига себе, как говорит мой Гриша! – в самый разгар работы услышал я знакомый голос за спиной. – По-

чти месяц ни капли дождя, а на ваших «жигулях» живого, в смысле чистого, места нет. Были малиновыми, стали черными. Совсем как мотоцикл вашего приятеля вчера.

Я обернулся и увидел Вениамина Тихоновича с удочкой и синим ведерком в руках.

– Свинья всегда грязь найдет! – превозмогая боль, отшутился я и переменял тему. – Ну, как рыбалка?

Рыбалка, по признанию Вениамина Тихоновича и трех бойко сновавших в ведерке пескариков, была так себе.

– С вами все в порядке? – встревоженно спросил Вениамин Тихонович, присмотревшись ко мне повнимательнее.

– Не выспался, – пожаловался я. – Любовь, похожая на сон.

Домыв машину и выпустив рыбешек в воду, мы возвратились в лагерь. Тезка, расставив широко ноги и уперев локоть в бок, всаживал пулю за пулей из биатлонки в прикрепленную к нашему с Галочкой Терему мишень. Мне это не понравилось, но высказывать неудовольствие не было сил. Каждый выстрел отдавался в голове острой болью. Рядом стоял Гриша и, разглядывая мишень в мой бинокль, комментировал и корректировал каждый выстрел:

– Десятка, десятка, девять, дядь Валер, на три часа.

Увидев нас, тезка опустил ружье, потом медленно поднял его и выстрелил.

– Десять, дядь Валер, – удовлетворенно сказал Гриша.

– Молоток! – морщась от боли, похвалил я тезку. – А ты,

Гриша, так можешь?

– Нет! – признался юноша и скромно прибавил: – Я по другой части.

– Базаров нет! – глубокомысленно изрек я, стараясь не выказать слабости. Но не особенно успешно.

– Довела тебя, тетка, Галька до ручки! – посмеялся Валерий Петрович, не без сочувствия осматривая меня. – Совсем плохой стал. Видишь, Гриш, что бабы с человеком делают? Как в анекдоте.

Выслушав анекдот и вымученно отсмеявшись, я поинтересовался, куда это понесли его черти вчера на ночь глядя. На самом деле меня не интересовало уже ничего. Абсолютно! Но не задать этот вопрос и не выслушать ответ я не мог. Физически! Нельзя остановить дождь, если он идет. Нельзя остановить тезку, если его распирает желание что-то рассказать. Бесполезно! За неполные сутки знакомства с ним я твердо усвоил это.

Зуев в традиционной своей иронично-напористой манере, хитровато поблескивая карими глазами, пояснил, что не привык откладывать дела в долгий ящик и сразу отправился в Тихоновку решать проблему.

– Как тот алкаш из анекдота, – прикололся он. – Чё думать? Прыгать надо!

Он тоже не сомневался в том, что бандиты прячут Чернова там, где обосновались сами, – в доме Мамочкина. С этим предложением он и приехал к участковому. Тот, ухмыляясь,

выслушал его, почесал затылок и, рассудив здраво, пришел к выводу, что оснований для получения ордера на обыск мало-мало. К тому же Половников не горел желанием связываться с бандитами.

«Но придется... – какое-то время спустя сдался он, уставившись на настырного коммерсанта оловянными глазами. – Ты ж, Валерк, все равно не отцепишься. Еще и шефу моему настучишь. А он и без того зуб на меня точит – спрашивает, кто в Тихоновке хозяин: я или Мясник».

Валерий Петрович рассмеялся. Этот же вопрос задал на днях самому начальнику милиции глава администрации района.

«По коням! – выдохнул, что-то придумав, участковый. – Есть варианты!»

Уже в машине он пояснил, что у Пельменя присматривает за свиньями некий пьянчужка по кличке Копченый.

«Его и раскрутим! Мой клиент! Он за бутылку не только Пельменя – мать родную продаст. Мне ли их, алкашей, не знать – всю жизнь с ними промучился, – ухмыльнулся милиционер. – Так что еще не вечер. Давай к магазину!»

Далее тезка рассказал, что, купив у Галочки бутылку водки и батон колбасы, они принялись «колоть» Копченого. Тот какое-то время строил из себя чуть ли не вора в законе, смотрел на водку с большим презрением и даже порвал на своей чахлой груди рубаху, доказывая, что он не сука. Свиляр при коммунаках отсидел три года за кражу семи мешков дроб-

ленки.

Но непреклонность Копченого таяла на глазах. Из рта потекли слюни. Руки судорожно дергались в направлении бутылки. Помявшись, он признал, что видел, как вчера утром братки вытащили из багажника БМВ и проволокли в сарай какого-то доходягу. Позже он слышал его крики.

«Должно, бабки выколачивали!» – авторитетно рассудил свинарь. Сердце Зуева дрогнуло от предвкушения удачи. Участковый потребовал описать доходягу. Приметы сходились: высоченный, тощий, белый как снег. После этого осталось лишь дозвониться до райотдела.

– Обыск назначен на 9:00, – торжественно объявил тезка и, взглянув на часы, прибавил: – И через семь минут начнется!

Мои новые знакомые были возбуждены и радостны. Надежды на освобождение Чернова связывались у них с некоторым даже разочарованием. Только приехали – и сразу назад. Проблема-то решена! Облом! Не успел даже и начать отдыхать.

– Как и должно быть, если делом заниматься серьезно, – вроде бы небрежно, но определенно покровительственно улыбнувшись мне и подмигнув Грише, заявил Зуев. – Пришел, увидел, победил! Но... денька два-три мы еще позагораем здесь. Если честно – заботы осточертели! Как-то так.

Он церемонно пригласил меня на банкет по случаю освобождения Чернова. Я сдержанно кивнул. В моей душе вос-

хищение боролось с недобрыми предчувствиями...

С одной стороны, я отдавал должное своим новым знакомым. Они не бросили человека в беде – это дорогого стоит. И Зуев – малый не промах, и делал он вчера все вроде бы правильно. С точки зрения такого «чайника», как я.

Но... Тихоновка – крошечная деревушка. Маневры вишневой «девятки» могли и не остаться незамеченными. Ведь только мимо дома Мамочкина она за пару часов проехала четыре раза, останавливалась через дорогу от него – у магазина, долго стояла возле хибарки Копченого и у ограды участкового. И обыск нужно было проводить вчера...

Короче, я не мог поверить в победу своего тезки над самим Мясником. Ну не мог, и все! Еще мне подумалось, что Копченый теперь не заживется на белом свете... Да и у самого триумфатора уже в ближайшем будущем возникнут очень серьезные проблемы. И к бабке не ходи. Боюсь, стрелковая подготовка ему вскоре может пригодиться.

Я, морщась от боли, поделился с ним своими опасениями. Заметно встревоженный коммерсант сразу направился к своей машине, а я заковылял в лес. Там меня долго рвало, буквально выворачивало наизнанку. Чуть живой я возвратился к палатке и, едва не плача от боли, ругая себя за педантичность, сделал-таки эти записи. Сейчас махну стакан водяры – и спать.

Глава 4

В черни

Мамочка же после засады на бугровщиков и их бегства все норовила отправить детей куда-нибудь подальше от скита: то рыбки половить, то землянички нарвать, то душички, то грибочков поискать.

Потом она заладила: «Хочу орешков, страсть как соскучилась по ним. Давай, Вань, отправим детей за орешками». При этом в ее прекрасных и синих глазах таился откровенный страх, а на устах играла тревожная растерянная полуулыбка.

Папочка крепко тогда рассердился на нее: надо пшеницу, рожь, ячмень жать, снопы вязать, да и сенца коровкам и лошадям на зиму не худо поболее запасти. Дорог каждый погожий денек, каждая пара рабочих рук, а тут сразу шесть аж на два дня придется лишиться.

– У тебя то грибочки, то орешки, – разворчался он. – Не по-людски это, не по-хозяйски. Глупости все, дурачество.

Но мамочка, пугливая безответная мамочка, которая всякий раз вздрагивала от скрипа дверей и громкого слова, сказала тихо, но твердо, с какой-то душевной болью: «Мы, Ванечка, слава Богу, пожилы, дай и им пожить!»

Как отрезала! И папочка, суровый властный папочка,

лишь рукой махнул. Он, правда, не отпустил в чернь старших – Лизу с Данилкой – без них ну никак не управиться. Не хотел папочка отпускать и его, Тишу. У мальчика даже сердечко сжалось от страха и от горя. Однако отправить совсем маленьких Соню и Алешу под присмотром еще несмышленного Мити даже и папочка не решился. Не говоря уже о мамочке. Да, и не знал Митя дороги в чернь.

А вот Тиша знал. Он в прошлом году ездил туда с дядькой Игнатом. Вспомнив про соседа, папочка обрадовался и решил отправить за шишками Митю, Соню и Алешу именно с ним, а Тишу оставить вязать снопы – больно уж ловкие и быстрые у него руки.

– Он ради моей дочки на все согласится, – посмеялся папочка, а Лиза покраснела. Однако тут же выяснилось, что дядька еще вчера отправился на охоту.

– Ни горя ему, ни заботушки! – рассердился папочка. – Мыслимое ли дело – в страду на охоту уехать. Ни раньше, ни позже! Дурачество все.

Лиза защищала жениха, доказывая, что тому убирать пока особо нечего – не обжился еще на новом месте. Вся пашня – одна десятина. Управится с ней и после охоты. Да папочка и сам знал это, и снова лишь рукой махнул. Пришлось отправлять за шишками Тишу.

Утром, еще затемно, родители подняли их (Тиша так и не уснул – боялся, что проспит. А еще он боялся, что папочка передумает), одели, накормили кое-как и усадили на лоша-

дей: Соню – к нему, Алешку – к Мите. Сзади к седлам привязали Каурого с Гнедком – везти домой на них переметные сумы и мешки с орехами. Мамочка перекрестила их, поцеловала, и Марьины отправились в чернь.

Миновав Зеленую, они двинулись по тропе вверх мимо горы, которую в ските называли Монастырем. В ней двадцать две пещеры. Тиша с Данилкой и Митей (и не только они) любили в праздники лазить по ним с факелами. Страсть как страшно и интересно.

С каждой верстой трава в лесу становилась все выше и выше. Митя видел у едущего впереди брата только голову и боялся совсем потерять его. По мере приближения к черни лес становился все гуще, и темнее, и мрачнее – отсюда и название чернь.

Дорога была дальней и утомительной. Детские восторги сменились хныканьем Сони – она с непривычки натерла попку и ножки. Тиша посадил ее боком, и Соня, обхватив ручонками брата, затихла. Алеша тоже натер попку, морщился, но крепился – мужик как-никак.

Их мучения закончились только в середине дня. Лошади перескочили через весело журчащий ручеек и остановились перед преогромным деревом. Тиша с Митей соскочили с них и осторожно сняли малышей. Зелени на поляне было немного, в основном коричневый мох.

– Приехали! – весело объявил Тиша – Вот вам самый настоящий кедр, любуйтесь оным!

Дети, ойкая и морщась, недоверчиво осмотрели толстенное коряжистое и какое-то неопрятное, поросшее мохом дерево, но, разглядев на нем множество шишек, выказали восторг.

– Белочка! – закричал Алеша, указывая ручонкой на затаившегося в хвое пушистого бурого зверька.

– Белочка! – обрадовалась, подпрыгивая, Соня – Ура!

Пока малыши радовались белочке, шишкам и разминали затекшие ножки, Тиша с Митей расседлали лошадей, спутали им веревками передние ноги и, похлопав их по гривам, принялись мастерить бойки⁵.

– Удочка! – догадалась Соня, увидев две длинные рябиновые палки.

– Удочка! – согласился, улыбнувшись, Тиша. – Оними удочками, сестренка, мы будем ловить шишечки.

Сияющий Митя (он никогда не мог хоть немного посидеть на одном месте) вприпрыжку помчался по поляне, потом, остановившись перед братом, стал приплясывать и, наконец, несколько раз ударил себя кулаком в грудь.

– Ура! – кричал он. – Я ловкий, я сильный, я хороший. Слава Боженьке, что я родился!

Тиша, улыбаясь, любовался братом. Недавно ему исполнилось одиннадцать годков, и был он крепеньким, смугленьким, хорошеньким. Выющиеся черные волосы, круглые чер-

⁵ Боек – длинная рябиновая палка с веревкой или ремешком на конце, которой сбивают шишки с кедров.

ленькие смышленные глазки, ямочки на щечках и подбородке. Всегда сияющий, доброжелательный, энергичный, нетерпеливый, часто упрямый, он заражал всех своей радостью. Приятно было даже просто смотреть на него.

– Братик, а почему птички поют? – вдруг спросила Соня. Тиша вспомнил, что она спрашивала уже об этом у мамочки.

– Радуются! – пожав плечами, улыбнулся он.

– Они радуются, что я сюда приехала? – не то спросила, не то объявила сестричка, подняв на него голубенькие глазки и простодушно улыбаясь.

– Ну конечно же, из-за тебя! – засмеялся Тиша, поцеловав ее теплые льняные, чем-то приятно пахнущие волосики. – Писать-то не захотела?

Соня отрицательно мотнула головкой. Обмыв руки и лицо в ручье, Марьины с хорошим уже аппетитом закусили хлебушком с салцом да с яичками, запивая молочком. Тиша, уминая хлебушек, попутно объяснил Мите и несмышленным малышам, что кедры бывают двух видов: низкие, толстые, коряжистые и высокие, стройные, кондовые.

По его авторитетному мнению, сподручнее иметь дело с толстыми и коряжистыми кедрами – сучья у них начинаются с самого низа, тогда как у стройных, кондовых кедров даже до нижней ветки без лестницы не добраться.

– Этот, братик, хороший! – важно заявил Митя, оглядывая кедр, под которым они расположились.

– Молодец! – засмеялся Тиша, ласково погладив брата по

голове. Наевшись, братья облачились в одежду из замши диких коз. Их мамочка сшила из шкур, подаренных дядькой Игнатом.

– Другие одежды сразу раздираются о ветки, – пояснил Тиша. – Спасибо дядьке Игнату и мамочке.

После этого мальчишки повесили бойки на шеи и направились к кедром. Тот, под которым они обедали, Тиша уступил брату, а сам отошел подальше. Митя ловко вскарабкался на нижнюю ветку, перебрался с нее повыше, уселся на толстый сук, снял с шеи боек и принялся сшибать им шишки с веток.

– Ура! – с восторгом закричал он, когда первые шишки упали на траву.

– Ура! – подхватила Соня.

– Ура! – крикнул и Алеша.

Следом шишки дождем посыпались и у Тиши.

– Ура! – завизжали радостно малыши и принялись собирать шишки в кучу. Смех, крики, шутки, песни вместе с гомоном птиц надолго оживили угрюмую чернь. Когда почти все шишки были сбиты, Тиша ловко слез с дерева и направился к следующему кедру.

– Тиша, Сонька, Лешка, глядите! – закричал вдруг Митя. Малыши и Тиша задрали головы. Брат, ухватившись рукой за одну ветку, стоял на краю другой, раскачивая ее ногами. Вот ветка подбросила его, и он ловко перескочил на соседнее дерево. Соня ойкнула, а у Тиши екнуло сердечко.

– Аки белка! – восхитился пятилетний Алеша. Тиша неодобрительно покачал головой, но ничего не сказал. Он также мог перескочить с одного кедра на другой, но не стал делать этого, чтобы не раздражить азартного Митьку и надеясь на то, что тот позабыл рассказы Данилки о подобных прыжках. Однако Митя ничего не позабыл и не упустил возможности похвастаться своей смелостью и ловкостью.

К вечеру, уставшие, они спустились на землю, помогли малышам ссыпать шишки в мешки, переметные сумы и повалились на траву.

– Spина и руки болят, ноги гудят, – засмеялся, потянувшись и выколупывая орешек из шишки Митя. – Но страсть как хорошо!

– И ты, братик, пощелкай орешки! – сказала заботливая Соня, подавая Тише шишку. – И мамочке привезем орешков, и Лизе, и Данилке, и папочке. Вот столько!

Она широко развела ручки в стороны. Отдохнув, пощелкав орешки, полакомившись смородинкой с растущих рядом кустов, Тиша с Митей ловко смастерили шалаш, натаскали на поляну гору хвороста и развели костер. Тиша обратил внимание на то, что лошади, отмахиваясь хвостами от слепней и комаров, испуганно фыркали, ржали и жались к шалашу.

«Медведь где-то рядом бродит», – догадался он. Мальчишке стало страшно, но он тут же успокоил себя мыслью о том, что медведи редко нападают на домашний скот и тем

более на людей, даже в голодный год. А в оном кедры буквально ломаются от столь любимых ими шишек, да и дягиль с копеечником⁶ хорошо уродились.

– А вот за мешками с орехами да за переметными сумами нужен глаз да глаз, – успокоившись, решил Тиша и принялся перетаскивать их поближе к костру. – А то раздерет оные косолапый и не оставит нам ни одной шишечки.

Потом они поужинали, попили чайку со смородиновыми листочками. Малышей тут же сморил сон. Тиша с Митей перенесли их в шалаш и укрыли тулупом. Возвратившись к костру, Тиша рассказал брату про рыскающего поблизости медведя, наказал не спускать глаз с мешков, переметных сум и исправно подбрасывать хворост в костер – любой зверь огня боится. Помешкав, он протянул ему старенькое ружьишко.

– В медведя не стреляй – только разозлишь. Тогда спасения никому не будет. Стреляй вверх, – предупредил он. – И не усни! Спать захочешь – сразу буди меня!

Поцеловав брата, Тиша залез в шалаш и прижался под тулупом к теплому Алешке. Он твердо знал, что эти два дня будут самыми счастливыми в его жизни. «Спасибо мамочке!» – успел подумать, засыпая, мальчишка.

Среди ночи его разбудил Митя, и они поменялись местами. Тиша ощутил необычайный душевный подъем и прилив сил после сна. Ежась от холода и прислушиваясь к испуган-

⁶ Дягиль, копеечник – охотно поедаемые медведем растения

ному ржанию лошадей, уханью филина и хрусту веток под лапами какого-то зверя, он принялся подбрасывать хворост в костер.

Было страсть как страшно. Время от времени мальчик швырял горящие палки на хруст сучьев. Косолапый (это был все-таки он), недовольно урча, иногда рыкая, отбегал по-дальше, но потом снова возвращался. И так всю ночь.

Когда рассвело, Тиша отошел от костра шагов на пятьдесят и наткнулся на вытопанную за ночь преогромным медведем тропу. На ней хорошо виднелись следы-ямки от могучих лап зверя, преогромные кучи испражнений, состоящие из одной только скорлупы от орехов. Тропа представляла из себя преогромный круг. Похоже, косолапый всю ночь бегал вокруг мешков и переметных сум с шишками, но, слава Богу, так и не насмелился приблизиться к ним.

Позже, когда солнце поднялось повыше, Тиша разбудил братьев и сестренку. Они, даже Митя, едва шевелились после вчерашних трудов и езды на лошадях. Ровно мухи сонные. Мальчишка тут же взбудрил их рассказом про страшную ночь, преогромного медведя, показал им натопанную за ночь тропу, преогромные следы-ямки и кучи дерьма из скорлупы от орехов.

Сон и усталость как рукой сняло, глаза заблестели азартом и радостью. Сияющий Митя помчался вприпрыжку по тропе.

– Ура! – приплясывая, кричал он. – Я сильный, как этот

медведь, я ловкий, я хороший!

После завтрака старшие братья снова, хотя и без вчерашней прыти, полезли с бойками на кедры, а Соня с Алешей принялись собирать шишки в кучу. Гомон, смех, шутки, песни снова наполнили угрюмую чернь.

Зеленинская гарь

На последний перед скитом перевал Марьины поднимались под тревожный звон колокола. Наверху они остановились и замерли. В ските творилось что-то необычное. Ее жителей не было видно. Вокруг молельного дома сновали какие-то люди в необычных одинаковых кафтанах.

– Солдаты! – догадался Тиша, и счастье, два дня переполнявшее его, исчезло. Митя тоже насупился. От появления солдат они не ждали ничего хорошего. Ведь и Ишимская, и Елунинская гарь, и Чумышские казни случились в оных пустынях именно после появления солдат. Соня с Алешей еще ничего не понимали и с любопытством таращили глазенки на людей в одинаковых кафтанах.

Тиша оставил их под присмотром Мити на берегу Зеленой и направил коня в воду. Выбравшись на другой берег, он соскочил с лошади и метнулся через рощицу к молельному дому. От него по округе разносился тревожный колокольный звон, торжественное пение и выкрики: «Сдавайтесь!»

Чуть позже он увидел молельный дом, солдат, которые окружили и держали его под прицелом, подняв ружья. Ни

мамочки, ни папочки, ни Лизы с Данилкой, ровно как и иных жителей скита, мальчик и сейчас не увидел.

«Схоронились в молельном доме!» – мелькнуло у него в голове.

– Живый в помощи Вышняго, в крове Бога Небеснаго водворится. Речет Господеви: Заступник мой еси и Прибежище мое, – неслось из него. Тиша в этом хоре различал и густой бас отца, и ангельские голоса Лизы с мамочкой, и звонкий испуганный голос Данилки.

– Сдавайтесь! – снова закричал один из солдат, наверное, атаман – Сдавайтесь, все равно не уйти!

К нему подскочил боярин в шляпе, черной накидке на плечах, рукой на привязи и что-то стал объяснять ему.

– Бугровщик! – ахнул, сообразив, Тиша. – Анисим!

– Бугровщик Анисим! – подтвердил кто-то, положив ему руки на плечи. – Он и привел сюда оных солдат.

Тиша обернулся – сзади стоял дедушка Савва Кривоногов.

– Не покоримся слугам антихриста, – твердо ответил атаману отец из церкви. – Умрем за древнее благочестие, примем второе крещение⁷, но не сдадимся.

Атаман повелительно махнул рукой, и грянул залп. Из молельного дома слышались испуганные крики, стон, но ни пение, ни звон колокольный не умолкли. Следом в кучи хвороста и соломы из него полетели факелы и свечи. Повалил

⁷ Второе крещение – самосожжение раскольники называли вторым крещением.

густой дым, потом хворост, солома, смоль, береста и сам модельный дом вспыхнули, как факел.

– Будь проклят, Анисим! – раздался из огня голос отца. – Будь проклят! Будь проклят!

– Яко Ты, Господи, упование мое, Вышняго положил еси прибежище твое, – пели в горящем амбаре мамочка с Лизой и другие жители пустыни. – Не придет к тебе зло, и рана не приблизится к телесу твоему...

Потом среди пения послышались кашель, крики, стоны, вопли.

– Мамочка, мамочка! – раздался родной голосок Лизы. – Игнатушка, Тишенька, спасите!

– Мама! Лиза! – взвизгнул Тиша, рванувшись из рощи в море огня. Однако его тут же свалил (откуда сила взялась) дед Савва, придавил своим тщедушным телом и зажал крепкой ладонью рот.

– Прости, Лизонька, прости, Данилушка, не уберегла! – услышал он родненький голос мамочки. – Прощайте, детушки! А-а-а!

– Мамочка! – укусив руку деда Кривоногова и пытаясь вырваться, рыдал и рычал Тиша. – Родненькая!

Пение тем временем смолкло. Крики и вопли вдруг переросли в леденящий душу рев: «А-а-а-а!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.